

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2009

Содержание

1. ПУТЕШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ ХОЧЕТСЯ ПОВТОРИТЬ
2. С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЯГУШКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ
3. О ПОЛЬСКИХ РАДИКАЛЬНЫХ РЕФОРМАХ И ПУТИ К СВОБОДНОМУ РЫНКУ
4. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
5. СИЛА ЛИЧНОСТИ
6. ЛУЧШАЯ РОССИЯ
7. ИОАХИМ ЛЕЛЕВЕЛЬ И ИВАН ЛОБОЙКО
8. ЭМИГРАЦИЯ ДУХА
9. ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКИЙ ЖУРНАЛ «ДИАЛОГ»
10. ЛЕТОПИСЦЫ И МИСТИКИ
11. ЛИРНИК
12. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
13. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ПУТЕШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ ХОЧЕТСЯ ПОВТОРИТЬ

В уже далекие 70-е оформляли мы в Архангельске стенд для Исакогорского райкома партии. По-нашему — «шабашка».

И решили наши «боги» премировать нас путевкой в дружественную Польшу. Правда, за свой счет. Но путевка стоила 115 рублей и + 90 рублей обмена на злотые. Ох, и пухлая получилась пачка злотых.

Перед поездкой нас решили «проверить на вшивость». И вот вызывают в райком, где второй секретарь райкома тов. Филиппьева нас решила спытать на предмет нашего путешествия. Что нас тянет «в даль туманную»?

Кстати, очень душевный была человек, мало таких людей из когорты партийных боссов мне встречалось. Приходилось общаться и с Б.В.Поповым (первый секретарь обкома партии). Но между ними большая пропасть — может, у того голова больше болела о граде Архангельском, чем об отдельно взятом человеке? А может, и сказалось, что вместе учился в 9-10 классах с ее дочкой. Она была как мы, без «пузырей», не нынешнее боссовское отродье.

Мы с Виктором Погонщиковым дружно отбарабанили, что влекут нас музеи, искусство и архитектура братской Польши.

Кстати, он тоже был сотрудником доблестной милиции. Художник в душе, меломан и поклонник «Битлов».

После райкома нас «пытали» в офисе бюро «Спутник» люди «без лица».

Итогом был «познавательный обед» в ресторане «Двина», где нас учили обращаться с вилкой и ложкой.

А у меня, как всегда, вышел казус, леший бы побрал; Вера Клокотова, директор книжного магазина, подсунула книжицу «О вежливости и этикете» — перевод с эстонского. И вякнул я на «познавательном» банкете, что курицу едят руками только русские и ели неандертальцы (у тех не было вилок, а каменным топором или стрелой несподручно). Но обошлось. Все сочли за шутку.

Последний урок «любви к Родине» — Брест... Руины, рavelины старой крепости и фильм об истории Великой Отечественной — помню всё, как будто было только вчера.

На границе наши погранцы, узнав, что мы с Севера, то бишь с Архангельска, даже нас не досматривали, зато автобус из Казани, пришедший на три часа раньше, все еще стоял под досмотром...

Ну а поляки даже не соизволили по автобусу пройти...

Маршрут начинался со столицы Польши — с Варшавы. Путь от Бреста до Варшавы с кратковременными стоянками занял остаток дня.

Первое, что поразило нас, прибывших из страны, где Бога как бы не было, — это то, что почти в каждой хатке или особнячке под стрехой крыши, в арочной нише, стояла скульптура Мадонны с младенцем. Везде по трассе.

А второе — что попали на праздник Пасхи. (Мы были в апреле.)

Представьте, только познакомились с нашим гидом: пани Зося, комсомолка, студентка университета и по совместительству — гид. И вот на третий день она приходит и объявляет:

— Друзья мои! Извините, но я сегодня не могу вас сопровождать, так как мне надо в костел на пасхальное богослужение.

И просветила, что три дня ни магазины, ни рынки, ни предприятия (кроме сервиса обслуживания) работать не будут...

Это был для нас шок.

Вот тогда я снова подумал, как из нас, людей, КПСС сделала быдло, стадо, агнца на закланье ради «светлого будущего».

Ну и уговорил Виктора прогуляться по варшавским костелам...

В первом же нас окропили святой водой и, узнав, что мы из Союза, подарили набор бумажных ликов святых и брошюру о костеле.

Потом другой костел, а дальше — «крыша может съехать»... Представьте: офицерский костел! И это в стране, которая, как и мы, строит «светлое будущее».

Перед храмом Божьим Виктор снова было заартачился:

— Это же «офицерский»!

— Витя! Если что, предъявим свои «корочки»! — (Мы забыли почему-то оставить их дома). Но все обошлось без «предъявы».

Костелы поражали богатством убранства и красотой интерьера, отношением прихожан к вере.

Экскурс в католическое лоно окончился у нас поздно вечером, когда в «режиме» числился ужин в ресторане «Варшава».

Комсомольцы не подпадали под статус, когда экскурсантам положено хотя бы пиво. Из Союза можно было вывозить по бутылке на глаз. Но в Москве скинулись, и почему-то вышло больше. С математикой дружили в тот момент явно плохо.

Употреблять можно тихо, только укрывшись в «нумерах» после расписанного времени — вечером, после ужина, на вечерах-встречах с польской молодежью.

С алкоголем я в те времена не дружил, а точнее совсем не пил. Дома была большая коллекция вин и других водочных напитков, а коллекция пачек сигарет со всего света превышала не одну сотню (их привозили друзья-моряки, да и сам свозил из поездок по стране).

Виктор, зная мое отношение к алкоголю, предпочитал оказываться рядом. Так и в ресторане «Варшава» сидели за одним столиком. И две девчонки из нашей группы. Соответственно на людях для нас и в Пасху был «сухой закон». Рядом же поляки отмечали праздник «Житной» с колосками на белом фоне этикетки. Но пили очень мало. Из крохотных рюмочек, с большими перерывами и обильной закуской.

Вялотекущий шел процесс...

Потом они обратили внимание на наш стол, не украшенный бутылкой в Святую Пасху. А может, услышали наш русский.

Представьте: поляки подзывают официанта и что-то объясняют. Тот удаляется в бар и... подносит к нашему столу поднос с двумя бокалами шампанского и парой рюмок водки, ставит перед нами. Мы объясняем, что не заказывали. Он же молвит: это «прозит» от соседей-поляков.

— Вы им чем-то понравились! И поздравляют вас с Пасхой.

Виктор пьет рюмку, а девчонки — шампанское; поклоном в направлении соседнего столика Виктор благодарит поляков:

— Дзянкую, панове! За Пасху!

И тут же выпивает рюмку, поставленную мне, объясняя, что я не пью. Вытирает губы салфеткой и, не закусывая, снова благодарит поляков. Те расчувствовались, налили Виктору целый стакан «Житной» и, чокнувшись, вместе выпили.

Витя снова показывает фокус с салфеткой вместо закуски.

Короче, поляки заказали еще бутылку «Житной». Девчонки вежливо пить отказались, тем более что видели взгляды старшего группы Сергея Михайловича. Ну, а Витек уже за столиком поляков докончил бутылку, так как братья-славяне после третьей рюмки пошли брататься и клясться в «вечной дружбе».

Вечером, после ужина, соотечественники отмечали Пасху по номерам в гостинице «Сирена». Ужин в ресторане «Варшава» нам перенесли, потому что ресторан в гостинице не работал из-за праздника. Она была более низкого разряда.

Не стоит забывать, в Польше апрель — когда всё расцветает, весна в разгаре.

Но почему-то в душе звучали слова песни:

— Над Варшавой падает снег...

Потом были Лодзь, Познань, Гданьск, Гдыня, Сопот...

Дни пролетели незаметно, и вот прощание с пани Зосей, прощание с Польшей... Прощание со Святой Пасхой...

Автобус подходит к мосту через Буг. Поляк-пограничник прощается с нами, спрашивает, понравилось ли нам в Польше?

— Да! Да!! Да!!!..

— Дзенькую, панове и паненки!

«Икарус», венгерское чудо техники, как бы почувствовал общее настроение и, чихнув, заглох на середине моста... Техника созвучна настроению души.

Но вот заработал стартер, вздрогнул и заурчал мотор...

О Польше напоминают книги. Наши, но оттуда, с пометками: «Приобретена в Варшаве», «Приобретена в Познани», коллекция значков по автомобильной тематике. И бумажные иконки.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЯГУШКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Мой образ России складывается из многих элементов. Первым из них была Москва, в которой я провела июнь прошлого года. Она очаровала меня размахом, красивыми церквями, прелестными переулками и самой своей жизнью в непрерывном движении. Она поразила меня своей монументальностью, везде присутствующим Лениным, самыми дорогими на свете машинами, магазинами, клубами. А опечалила нищетой, выглядывающей из разных углов. «Москва — это не Россия», — слышала я постоянно. Тогда какая же она, Россия, раздумывала я, если нечто, представлявшееся мне насквозь российским, вовсе не таково.

Спустя полтора месяца был Петербург, куда я отправилась на несколько дней с большой группой своих знакомых. Со своими разноцветными фасадами, толпами туристов и кричащими витринами сувенирных магазинов он показался мне искусственным. Значит, это тоже Россией назвать нельзя, подумала я.

Попытку узнать настоящую Россию я предприняла летом этого года, отправившись в полуторамесячное путешествие по стране в одиночку, автостопом. Из Монголии (где мы с моим спутником разделились, проехав до этого вместе по Украине и частично по России) я направились к Байкалу, оттуда — через Екатеринбург и Казань — в Москву. Затем я отправилась на север, на Соловецкие острова и в Мурманск, а оттуда добралась до Петербурга. Выехала я из России через границу с Финляндией.

Мое путешествие не было запланированным. Поэтому и впечатления мои хаотичны. Я ехала, хорошо зная русский язык и обладая обрывочными знаниями о России, почерпнутыми из прочитанных книг и услышанных рассказов. Думаю, что я не обладала необходимым инструментарием, который помог бы мне познать этот сложный, многослойный, складывающийся из многих культур мир. В памяти остались прежде всего встреченные мною люди и неиссякаемое стремление узнавать Россию вновь и вновь.

ВЛАСТЬ

Булата с товарищем я встретила уже темной ночью за Челябинском. Нам негде было ночевать: до самого Новосибирска эти места преимущественно покрыты болотами. Нас кусали громадные комары и донимали оводы. Булат ездит на двадцатилетнем «жигулёнке», купленном за триста долларов. Кажется, что в машине неработающих механизмов больше, чем работающих. Неисправен спидометр и указатель уровня топлива, а из того места, где должен быть радиоприёмник, торчат провода, которые тянутся к заднему сиденью. Посередине заднего сиденья лежит деревянный ящичек с встроенным CD-плеером и колонками по бокам. Из этого довольно нетривиально выглядящего устройства льётся классическая музыка. Провода искрят. Булат, спокойный мужчина с тихим голосом, едет с приятелем Андреем в деревню Петухово, что на границе с Казахстаном. Андрей, казахский гражданин, потерял паспорт и хочет оформить его в своей стране, куда не может въехать как раз потому, что у него нет паспорта. Если бы он захотел решить этот вопрос в России, то ему пришлось бы провести долгие часы в очередях. Так что он будет пересекать границу нелегально. За это ему грозит несколько лет тюрьмы.

Когда мы в пять утра подъезжаем к Петухово, нас останавливает милиция. Отсутствие документа у Андрея — большая проблема. Булат ведет долгие переговоры с милиционерами. Наконец он вручает им пятьсот рублей, и мы уезжаем.

Со временем я привыкаю к повсеместной в России коррупции. Привыкаю и к недоброжелательности представителей власти. Я прихожу к выводу, что милиционер отыщет нарушение даже у совершенно невиновного человека. Попытка же решить какое бы то ни было дело в учреждении наверняка окажется безуспешной. Памятуя о неприятной ситуации на российско-монгольской границе, когда меня не хотели пропустить в Монголию из-за отсутствия российской регистрации, я решила не пренебрегать этим вопросом во время очередного пребывания в России. В Иркутске я безуспешно пыталась оформить регистрацию на почте. Потом отправилась в иммиграционную службу.

— Добрый день, я из Польши, приехала в Россию два дня назад и хотела бы зарегистрировать здесь своё пребывание.

— А где же приглашающая сторона? — спрашивает меня строгим голосом дама в окошке.

— Ну... Нету. Но на границе мне сказали, что я могу зарегистрироваться без неё.

— А я вам говорю другое: для оформления регистрации необходима приглашающая сторона, — бесстрастно отвечает чиновница.

— Так что же мне делать, если у меня ее нет и не будет? — спрашиваю я с отчаянием. Мне вовсе не хочется снова иметь проблемы на границе. А что если меня еще и депортируют?

— Ищите, — женщина делает рукой неопределённое круговое движение в пространстве.

— Где? На улице? — не верю я собственным ушам.

— Да. На улице, — слышу в ответ.

Выхожу на улицу, и в самом деле: беззубый (я заметила, что в России большие проблемы с зубами) прихрамывающий мужчина с бельмом на глазу предлагает мне регистрацию за восемьсот рублей. Я соглашаюсь, ибо другого выхода у меня нет: завтра — воскресенье, учреждения не работают, а в понедельник будет уже поздно, так как иностранец должен оформить регистрацию в России в течение трех суток со дня приезда. После перерыва на обед (еще одна российская особенность: перерыв на обед, который, как правило, длится час и приходится в разных местах на разное время, а вдобавок постоянные технические перерывы) мужчина приходит к той же чиновнице, с которой я разговаривала, и без малейших проблем регистрирует меня у себя в квартире. Вот памятник абсурду российской бюрократии.

В свою очередь русские представляются мне чемпионами в том, как обойти закон. Я остановила водителя, который уже полгода ездит на машине с бумажным номером, прикрепленным к лобовому стеклу (с такими ездят на недавно купленных, еще не зарегистрированных машинах). Он объяснил мне, что дешевле заплатить сто рублей штрафа, который по закону можно взимать только раз в день, чем зарегистрировать машину и платить страховку.

ПРОСТОР

«В России, — говорит Булат, — если ты поссорился с девушкой, перед тобой огромный простор, ты можешь сбежать куда угодно и не общаться. А в той же Германии — все живут тесно, кругом дома. Нечем дышать». В России есть чем дышать. Иногда кажется, что чересчур много этого воздуха.

Безграничные поля и леса, бесконечная, упирающаяся в горизонт дорога, вызывают головокружение. «У нас нет таких просторов, — объясняю я всем. — Нет таких огромных, растянувшихся на сотни и тысячи километров лесов. А поля вдоль дорог чаще всего возделываются. Ну и везде деревушки и города, и бензоколонки, и бары, и кафе. Вообще всю Польшу можно проехать за один день. С запада на восток — около 800 километров». При этом сообщении люди усмеваются — кто весело, кто с жалостью. Что такое 800 километров? Расстояние от Новосибирска до Омска. А от Омска еще много тысяч километров до Москвы. Какая-то маленькая эта ваша Польша. Куда там сравнивать её с нашей великой Россией.

В России меняется общее представление о расстоянии. «Наконец, — думаю я, — осталась только тысяча километров». По моим подсчетам выходит, что в России можно без труда проехать автостопом за один день такое, а иногда даже и большее расстояние. Только для этого должны быть выполнены два условия: дорога должна быть асфальтированной и не иметь двухметровых выбоин, и еще надо передвигаться на легковых машинах, ибо грузовики, особенно МАЗы и КамАЗы, которых полно на российских дорогах, едут очень медленно.

НА ТРАССЕ

Российские грузовики — вот интереснейший для приезжего из Польши вопрос. В России их огромное количество. Я даже встретила водителя, который купил себе МАЗ, объяснив своё решение тем, что запчасти для него он найдёт у любого мужика в поле. Действительно, Валя, с которым я ехала из Екатеринбурга в Казань на американском «Фрейтлайнере» (мне очень нравятся эти грузовики: их вытянутый капот напоминает собачью морду, а кабина такая большая, что там, верно, можно даже танцевать), на протяжении тысячи километров не мог купить к нему шины. Зато мы встретили на трассе множество ремонтных мастерских, предлагавших запчасти к МАЗам, ВАЗам, КамАЗам и другим АЗам. При этом, объяснил мне один водитель, зимой в Сибири ездят только российские машины. Иномарки просто не выдерживают здешних морозов.

Для МАЗов не предусмотрены ремни безопасности (впрочем, требование пристегивать ремни введено в России лишь в январе нынешнего года, и люди пристегиваются, только заведя контрольный пост дорожной милиции). Этих ремней нет даже в так называемых новых МАЗах. Ибо, как оказалось, МАЗы делятся на три категории: МАЗ, новый МАЗ и Супер-МАЗ. У нового МАЗа кабина больше, чем у старого, — пожалуй, в этом

состоит вся разница. О Супер-МАЗе среди водителей ходят легенды. С нескрываемым восхищением мне рассказывали, что он выглядит и ездит совсем как импортная машина.

А вот в Монголии один россиянин объяснил мне секрет УАЗа. «В УАЗе ничего не ломается. Кондиционер не сломается, потому что его нет. Автоматическая коробка передач не сломается, потому что её тоже нет. Не ломается то, чего нет, а в УАЗе нет почти ничего».

Очередная восточная — как русская, так и украинская — особенность состоит в том, что самая плохая и самая старая советская машина всегда оснащена несколькими совершенно необходимыми элементами. Это обязательный современный, мигающий разноцветными огоньками радиоприемник с плеером для CD, оплетка руля (например, красного цвета со всполохами и надписью «Devil») и яркого цвета набалдашник на рычаге переключения скоростей — в моем личном рейтинге лидировал тот, что имел форму шара с застывшими внутри него пластиковыми рыбками.

СТРАХ

Люди обычно меня пугают. «В России, — утверждают они, — полно сумасшедших». Дороги буквально кишат бандитами, убийцами, насильниками, наркоманами, извращенцами, алкоголиками и всякими другими дикарями. Один шофер буквально убеждал меня в том, что в России все люди плохие. «Все-все-все?» — спрашиваю я. Все-все-все. Так почему я до сих пор их еще не встретила? Он с сомнением качает головой.

А я задумываюсь, почему же в стране, где чужие люди готовы были помочь мне последними деньгами, бытует всеобщее убеждение об одичании. Это же в России все меня кормили. Это там совершенно незнакомые люди предлагали мне ночлег — в машине или у себя дома. Один раз я ехала с врачом, который, узнав, что мне негде ночевать, отвез меня в деревню, где он работал терапевтом. Там я остановилась в его доме — в больничном здании, принадлежащем государству, где половина предоставлена ему во временное пользование. На следующее утро меня ждал завтрак, а одна из медсестер проводила меня к автобусу, шедшему по иркутской трассе. Двое мужчин из собственных денег оплатили мой ночлег в гостинице — один раз это было в Черемхове, в 150 км от Иркутска, другой раз — в Казани. Оба приехали за мной на следующий день и отвезли на трассу. Это в России меня бесплатно подвозили на такси, на маршрутках и автобусах. Часто водители останавливались даже тогда, когда я не махала

рукой. Иногда делали крюк, чтобы довезти меня чуть дальше или высадить в более удобном месте. Они разрешали мне пользоваться своими мобильниками. Оставляли адреса и номера телефонов. На российско-монгольской границе пограничник даже остановил для меня машину и велел водителю перевезти меня на другую сторону. Женщина из иммиграционной службы, вместо того чтобы взять с меня штраф за отсутствие регистрации, несколько минут побеседовала со мной и отпустила. В любом транспорте по поводу меня часто возникали бурные дискуссии. Пассажиры горячо спорили, где мне следует выйти и по какой трассе ехать. Люди подходили ко мне на улицах, предлагая свою помощь. Моим большим рюкзаком интересовались продавщицы в киосках, персонал в магазинах, кондукторы и прохожие.

Безусловно, неверно было бы утверждать, что в России я встречалась только с доброжелательностью. В Екатеринбурге меня обругала кондукторша, у которой я спросила про маршрут трамвая. В Казани попытка купить билет на поезд закончилась неудачей, ибо цена возросла почти вдвое, после того как я предъявила польский паспорт. Хотя в рабочем общежитии в Кеми были свободные места, мне не удалось там переночевать: мой заграничный паспорт вызвал панику. Мне посоветовали идти ночевать на вокзал. Многие водители путали автостопщицу с проституткой и более или менее открыто делали мне гнусные предложения. Когда я выезжала из России, то долго никто не желал перевезти меня через российско-финскую границу, хотя, стоя под дождем с большим рюкзаком, я могла скорее вызвать своим видом жалость, чем кого-то напугать.

Мне кажется, большинство испытывало по отношению ко мне ту жалость, которую обычно испытывают к людям не совсем нормальным или не сознающим свои действия. То есть к тем, кого сложно понять, но нельзя и осуждать. «Лягушка-путешественница», — вздыхали они, глядя на меня. Со временем я привыкла к вопросу, который поначалу меня шокировал: «А у тебя что, умерли родители?» Люди с трудом осознавали, что мои родители могут спокойно спать, в то время как их дочь скитается в одиночку по Сибири. «Странная ты девушка», — сказал мне как-то на прощание один шофер.

ОЛЯ

На Большом Соловецком острове, на чердаке деревянного домика Лены Морозовой на Приморской улице, я встретила необыкновенного человека. Оля Блинкина — худенькая энергичная женщина, работающая в «Мемориале», она

приезжает на Соловки уже не первый раз. Мы разговаривали с ней несколько часов подряд, пока я безуспешно пыталась собрать вещи (надо успеть на послеобеденный катер), а хозяйка, напоминая мне о времени, напрасно пыталась выпроводить.

Олина необычайность заключается в том, что она обладает огромной эрудицией и опытом в сочетании с невероятным чувством юмора и очень сдержанным отношением к миру. Она — одна из тех немногих встреченных мною людей, кто прекрасно понял мою страсть к путешествиям. Впрочем, можно ли ожидать чего-то другого от человека, побывавшего в самых отдаленных уголках России — от Мурманска до Магадана — и объехавшего автостопом пол-Европы?

Оля — замечательный собеседник, который прекрасно умеет и слушать, и рассказывать. Она объясняла непонятные мне вещи, которые видит не только с российской или польской позиции, но с какой-то всеобщей перспективы.

Как это замечательно — прихожу я к выводу — встретить, уехав так далеко, столь необыкновенного человека, из-за которого мне совсем не хочется покидать чердак деревянного домика Лены Морозовой на Приморской улице на Большом Соловецком острове.

РОССИЙСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В России можно узнать массу совершенно неожиданных вещей. Например, что если тебе нет еще и двадцати лет, то ты должен иметь уже хотя бы одного ребенка, так что я, собственно говоря, уже довольно старая. Что в Мурманске хорошо быть долгожителем: в некоторых городских маршрутках, например, люди, достигшие ста лет, пользуются правом бесплатного проезда. И что если сумма трех первых цифр, напечатанных на троллейбусном билете, равняется сумме трех последних, то надо загадать желание и съесть этот билет. Что в России ездить на велосипеде в нетрезвом состоянии не запрещается, поэтому там создаются общества алкоголиков-велосипедистов (алкобайкеров). Что грузовик, который китайцы загружали в течение двадцати минут, русские будут разгружать пять часов.

Можно встретить много необыкновенных людей. Например, беззубого рабочего, утверждающего, что он — мастер тайского массажа, а заодно еще и всем известный глава мафии, у которого денег больше, чем у самого Абрамовича. Нео-язычника, который поклоняется Матери Земле и Богу Солнцу и прикладывается с поцелуями к половине встреченных по пути

деревьев. Парижанина 54 лет, который всю жизнь мечтал о том, чтобы на машине доехать до Мурманска.

А в магазине «Сталин» в Красноярске продают изделия из стали.

О ПОЛЬСКИХ РАДИКАЛЬНЫХ РЕФОРМАХ И ПУТИ К СВОБОДНОМУ РЫНКУ

— Вы понимаете, что в 1989 году вы фактически совершили государственный переворот?

— Я бы этого так не назвал. У победившей «Солидарности» не было никакой программы экономических преобразований. Я решил принять предложение премьер-министра Тадеуша Мазовецкого и занять пост вице-преьера по вопросам экономики и министра финансов, потому что считал, что подобные радикальные преобразования, одновременно изменяющие роль государства в жизни общества, абсолютно необходимы. Для меня было также ясно, что индексация заработной платы, завоеванная «Солидарностью» в ходе переговоров «круглого стола», не может быть сохранена. Помню, что когда я сказал это Тадеушу Мазовецкому, тот даже охнул.

— Это как раз одно из доказательств тезиса о своего рода государственном перевороте. На переговорах «круглого стола» индексацию упорно отстаивали. Вся предпринятая вами операция была по сути дела единоличным проектом, осуществлявшимся без публичного обсуждения и даже, быть может, без полного понимания ее премьер-министром. Вы захватили власть и куда-то с ней сбежали.

— Всё было проведено вполне демократическим путем, у правительства была парламентская легитимность, Сейм подавляющим большинством голосов принял соответствующее законодательство, Сенат его одобрил. Это было сделано быстро и эффективно. Эффективность не означает отсутствия демократии.

— Одобрение, о котором вы говорите, было связано скорее с ощущением исторической миссии этого парламента, с его революционностью, а не с осознанием того, за что депутаты голосуют.

— Полностью предвидеть все последствия этого шага в то время не мог никто. Было лишь известно, что только капитализм с его конкуренцией дает возможность наверстать

наше отставание от Запада. Кроме того, все переломные изменения осуществлялись чрезвычайно быстрыми темпами. Если что-то затягивалось, то это как правило заканчивалось неудачей.

— Когда вам предлагали войти в правительство, то ожидалось, что вы представите уже готовый план? Или были какие-то директивы, строго определенные границы, которые нельзя было переступить?

— Надо сказать, что тогда не было ни избытка идей относительно преобразований в экономике, ни людей, которые были бы готовы взять на себя роль координатора этих реформ. Что касается директив, то Мазовецкий просто сказал мне: «Я хотел бы, чтобы вы были моим Людвигом Эрхардом». А поскольку так сложилось, что я как раз занимался немецким опытом в области реформ, то вполне осознавал, что в Польше предстоит сделать гораздо больше, чем в Западной Германии после II Мировой войны. Там хватило двух этапов. Первый из них — это стабилизация, то есть обуздание инфляции, а второй — освобождение экономики от государственного регулирования, введенного в годы войны. Им не нужно было создавать институтов рыночной экономики, так как капитализм там не был уничтожен, а просто на какое-то время отменен. У нас же одной из важнейших задач стало создание и восстановление экономических институтов, разрушенных социализмом. Это приходилось делать параллельно со стабилизацией и либерализацией экономики.

— Чтобы взяться за такую задачу, вероятно, требовалось отсутствие воображения? Или, наоборот, необычайная самоуверенность? Вы были одним из немногих людей в мировой истории, перед кем поставили задачу полностью перестроить экономическую систему крупной страны, причем вы не имели никакого опыта в решении подобных задач.

— В свое оправдание я могу лишь сказать, что после первой встречи с премьер-министром я от предложенной мне роли отказался. Только после ночной дискуссии с участием всех моих близких я все-таки решил принять это предложение, причем вопреки собственной жене, которая до самого конца была против. Но мой двоюродный брат Марек Якубяк сказал: «Если ты сейчас откажешься, то всю жизнь об этом будешь жалеть». Думаю, это соображение и сыграло решающую роль.

— И как создавался сам план преобразований?

— Мы начинали не с нуля, и этот факт существенно повлиял на мое решение принять предложение Тадеуша Мазовецкого. Благодаря предшествующей работе, которую мы с моими сотрудниками вели уже много лет (разумеется, совершенно не представляя себе, что Польша в скором времени будет свободной страной), основные элементы стратегии были в общих чертах готовы. Еще в 1970-е мы пытались (в рамках тогдашних геополитических ограничений) реформировать социализм. Позже, уже в 1980-е, мы продолжали эту работу.

— *Таким образом, общая идея уже существовала. Однако после прихода к власти множество вещей следовало уточнить. Где дела пошли хуже всего?*

— Сегодня, в перспективе минувших лет, я думаю, что это была социальная сфера. Именно здесь в нашем плане мы допустили самые грубые ошибки. Например, мы не сумели вовремя отреагировать на предложенную концепцию выплат пособий по безработице, которая доходила до такого абсурда, что в результате выпускник вуза мог сразу записаться в безработные. Потом обнаружилось, что рост безработицы в первый период на две трети был прямо обусловлен этими пособиями.

— *Вы считаете, что сохранили слишком много элементов патерналистского «государства всеобщего благосостояния»?*

— Дело не в этом. Не должно быть так, что государство всеобщего благосостояния само создает клиентов служб социальной помощи и тем самым лишает их шансов начать жить лучше.

— *Эту сферу курировал Яцек Куронь?*

— В определенной степени. Я взялся за работу в правительстве, считая, что буду координировать всю экономическую программу. Поэтому для меня было важно, чтобы я одновременно был председателем Экономического комитета Совета министров. В беседе с премьер-министром я оставил за собой право выбора своих сотрудников.

— *Какова была роль зарубежных консультантов, таких как Джеффри Сакс и Международный валютный фонд?*

— Их роль не была решающей. Основные вопросы были для нас ясны с самого начала. В основе экономики должна лежать частная собственность, поэтому нужно было провести приватизацию. Нужно было быстро обуздать инфляцию, поэтому требовалась радикальная программа стабилизации.

Нужно было также ввести конвертируемость злотого, что не было очевидным для большинства польских экономистов. Следующий пункт — это широкая либерализация цен. Джеффри Сакс укреплял нас в нашей убежденности. Он также сыграл существенную роль в проводившейся нами в США кампании по реструктуризации нашей внешней задолженности. Разумеется, важны были и переговоры с МВФ, с которым мы должны были согласовать план стабилизации. Бывают такие переломные моменты, когда реформы удается провести. Чаще всего это происходит после серьезного кризиса или после освобождения страны. У меня было сознание именно такого исторического момента — и что его нельзя упустить. Поэтому я исходил из того, что если уж мне доведется где-то совершить ошибку (что было вполне вероятно), то лучше уж в сторону слишком радикальных реформ, чем половинчатых или недостаточно глубоких. Всегда следует заранее решить, какого типа ошибок мы особенно сильно стремимся избежать.

— Валютный курс, налог на сверхнормативные выплаты из фонда заработной платы, ограничение бюджетного дефицита были краеугольными камнями программы стабилизации. Но какова была сама исходная ситуация, которую надо было стабилизировать? В каком состоянии находилась экономика?

— Уже через несколько дней после вступления в должность я узнал, что у государства просто нет больше иностранной валюты и что не хватит средств на закупку необходимых лекарств. Это была одна из первых проблем, которую я должен был решить, то есть получить промежуточный кредит на этот импорт. Еще через несколько дней я должен был принимать делегацию западных банкиров, которые требовали выплат по обслуживанию нашей задолженности «Лондонскому клубу». Но у нас для этого не было твердой валюты. Кроме того, бюджет, представленный предыдущим правительством Мечислава Раковского, не был одобрен новым парламентом, и мы должны были принять решение, как поступать дальше. Я решил, что сначала мы подготовим бюджет на следующий месяц, потом — до конца года, а за это время выработаем проект бюджета на следующий год, уже непосредственно связанный с радикальной программой экономических преобразований. А еще были переговоры за рубежом. Через две недели после вступления в должность я полетел в Вашингтон на заседание министров финансов западных стран и взял с собой набросок основных контуров нашей программы на нескольких страницах с ориентировочными датами. В последний момент мы шлифовали формулировки этих тезисов с Яном Новаком-Езёранским и Збигневом Бжезинским. Важным исходным

условием была реструктуризация нашей внешней задолженности. Меня приняли хорошо, но ощущение у меня было такое, что они не очень-то верят, что мы свои планы сумеем осуществить.

— *Что ж, их можно понять. Они же видели, что у нас пожар полыхает в каждом уголке дома.*

— Самым страшным явлением была гигантская, усиливающаяся инфляция, достигавшая нескольких десятков процентов в месяц. Это полностью дезорганизовало экономику. У меня не было сомнений, что мы должны как можно быстрее ее обуздать. Основными инструментами должны были стать новый бюджет, налог на превышение фонда заработной платы и так называемый валютный якорь.

— *Кто придумал налог на превышение фонда заработной платы?*

— Мы позаимствовали его (с некоторыми изменениями) еще из эпохи социализма. Я считал его необходимым инструментом для переходного периода — во-первых, потому что на государственном предприятии директор не заинтересован в том, чтобы сопротивляться требованиям о повышении зарплаты, а во-вторых, в связи с инфляцией. Этот налог был устроен так, что за превышение предельных значений роста фонда заработной платы налагались высокие штрафные санкции в виде прогрессивного налогообложения прибыли предприятия.

— *А откуда появилась идея фиксированного валютного курса в качестве антиинфляционного «якоря»?*

— Возможно, это было предложение МВФ, но оно не вызвало у нас возражений. Отдельным, весьма сложным вопросом был уровень этого курса и то, как долго он будет удерживаться. Это было одно из труднейших решений, принимавшихся в очень узком кругу и с большой неуверенностью. Предлагавшиеся значения колебались в диапазоне от 6 до 12,5 тыс. злотых за доллар. Установить курс на уровне около 12 тыс. зл. за доллар предлагало министерство экономического сотрудничества с зарубежными странами. В конце концов, по согласованию с Польским национальным банком, мы решили, что он будет составлять 9,5 тыс. зл. за доллар.

— *Оказалось, что это решение было удачным. А каким образом был установлен «час Ч», то есть момент начала реализации программы?*

— Я считал, что по различным причинам, в том числе и чисто символическим, предельным сроком должно быть 1 января 1990 го. С этого момента мы работали наперегонки со временем.

— *А до этого «часа Ч» вы боялись? Так просто, по-человечески?*

— Я помню состояние очень сильного стресса. Мне помогало то, что я опирался не на слепую веру, а на расчеты. Мы подсчитывали, какие у нас есть варианты. Я был глубоко убежден, что иная стратегия была наверняка обречена на провал, а наша — была связана всего лишь с огромным риском. Это ослабляло стресс.

— *Вы вели дискуссии о параметрах, законопроектах — но осознавали ли вы, что где-то там, в самом конце, находится простой человек со своими привычками, трудностями, ощущением грозящей опасности, то есть попросту тот факт, что все это может привести к событиям драматическим? Например, к уличным демонстрациям? Или, наконец, просто к голоду?*

— Самым важным было осознать, что уйти от бесчеловечного социализма всё равно будет лучше, чем постоянно оставаться в нем. Самым худшим было бы продлить процесс гниения. Мы опасались массовых банкротств предприятий, но вместо этого происходило массовое и постепенное их «похудение». Под воздействием конкуренции и финансового давления они начали избавляться от своих запасов, резервов. Отсюда, в частности, появилась уличная торговля. Мы опасались и того, что банки, которые по-прежнему оставались государственными, будут проводить слишком мягкую политику по отношению к убыточным предприятиям. Здесь в краткосрочной перспективе я ничего не мог поделать, разве что пригласить на беседу директоров банков и твердо им заявить, чтобы они были требовательными по отношению к предприятиям.

— *А чего сделать не удалось?*

— Инфляция оказалась выше, чем мы предполагали, но она быстро снижалась. Экспорт рос быстрее намеченных темпов, благодаря чему в первый же год у нас выросли валютные резервы и Польша могла начать платить за импорт нефти по рыночным ценам в долларах. Это был приятный сюрприз. Падение ВВП тоже было более значительным, чем предполагалось в бюджете, и только впоследствии выяснилось, что статистический аппарат был неспособен адекватно

измерять параметры быстро менявшейся экономики. Он измерял только то, что снижалось, но был не в состоянии оценить рост. Теперь нам известно, что снижение ВВП было на самом деле в два раза меньше, чем сообщалось вначале, и что на протяжении двух лет оно было самым низким во всем постсоциалистическом лагере.

— Однако вы забыли о сельском хозяйстве. Для этой сферы хорошей программы просто не было. Роспуск госхозов оказался ошибкой.

— Это был не роспуск, а прекращение государственного субсидирования. Я знаю, что даже сторонники реформы относятся к этому вопросу как к слабому звену реформ. Имеет смысл развеять иллюзии и показать, чем были наши госхозы и что в них происходило до 1989 года.

— После плана стабилизации наступил второй этап — приватизация социалистической экономики.

— Для нас было бесспорно, что приватизацию нужно провести быстро, но как этого достичь — это, разумеется, было предметом дискуссий. Закон о приватизации был рамочным, носил общий характер, и многие конкретные решения в нем отсутствовали. После его принятия в Сейме в июле 1990 г. все депутаты встали и начали аплодировать: все сознавали, что это исторический момент.

— Вероятно, это был последний такой момент, потому что после этого началась острая политическая борьба.

— С середины 1991 г. началась политическая расслабленность. Весь год вообще был чрезвычайно трудным. Чрезвычайное положение в политической жизни закончилось, а экономика ощутила новое потрясение в связи с распадом бывшего рынка СЭВ и переходом к расчетам в твердой валюте. Мы прошли через первый шок стабилизации и испытали второй шок. Да и для меня это время оказалось психологически особенно трудным.

— Вы надеялись на поддержку Леха Валенсы?

— У меня никогда не было ощущения, что Лех Валенса — противник нашего плана. В начале 1990 г., на съезде «Солидарности», куда я поехал, возникла целая очередь из людей, задававших мне такие вопросы, как: «А вам известно, что из-за вас пенсионеры от голода умирают?» Валенса тогда

заявил, что это бандитский план, но на его языке это звучало как комплимент.

— А как зарождалась польская налоговая система? Это вы ее тогда изобрели?

— Признаюсь, что я вначале не занимался налогами. С сегодняшней перспективы я думаю, что можно было сразу ввести так называемый плоский, или линейный налог, с единой для всех ставкой. Если бы он был включен в первый пакет реформ, то прошел бы через Сейм. Реформа налогов и введение подоходного налога от доходов физических лиц были проведены в условиях консультаций с МВФ. Я сосредоточился на том, чтобы эта система была единой, и выдержал грандиозную битву с экс-коммунистами из Союза демократических левых сил, который хотел освободить от налогов пенсионеров.

— После ухода в отставку правительства Белецкого вы были уверены, что экономика уже движется по правильному пути?

— Нет, потому что выяснилось, что существуют проблемы, связанные с бюджетом, и пришлось увеличивать его дефицит. Самые первые сигналы появились довольно скоро, и их было легко заметить: исчезли очереди, улучшилось снабжение, вырос экспорт, снизилась инфляция. Однако в 1991 г. столь наглядных и впечатляющих эффектов уже не было, а следующие требовали больше времени. Зато обострилась политическая борьба.

— Существуют определенные упреки и обвинения, которые затем прочно вошли в язык общественной дискуссии и настойчиво повторялись в период правления партии «Право и справедливость», такие как «невидимая рука рынка оказалась рукой афериста», упреки в проведении грабительской приватизации, создании сети тайных связей в бизнесе и «капитализма для избранных».

— В каждой стране, где проводятся трудные реформы, всегда найдутся люди, которые будут оперировать любой, даже самой позорной демагогией. У этих людей полностью отсутствовало чувство исторической и сравнительной перспективы.

— Это, однако, действовало на воображение людей, особенно тех, которые не сумели подняться на этой первой волне польского капитализма, а некоторые из них в ней просто захлебнулись.

— Следует сравнивать реальные данные, а не плоды воображения. Среди зажиточных людей, извлекавших выгоду из преобразований, есть определенная группа тех, которые вышли из бывшего правящего класса. Но — в соответствии с имеющимися и доступными данными — доминируют здесь вовсе не они. Взгляните, например, на список самых богатых польских предпринимателей. Наверняка таких бывших номенклатурщиков было бы меньше, если бы мы совершили кровавую революцию, но я никогда не был и не буду ее сторонником. Если же служителей прежней системы не уничтожить физически, то придется предположить, что какой-то их процент извлечет из перемен выгоду.

— До завершения вашей первой миссии в двух правительствах вы не считали себя политиком?

— Я был человеком, нанятым для выполнения конкретной работы в особых исторических обстоятельствах. По крайней мере, я так к себе относился.

— В 1995 г. вы использовали партию «Уния свободы» для реализации своих целей?

— Да, действительно, я вступил в «Унию свободы» (чье название, между прочим, я сам ранее предложил) и выдвинул свою кандидатуру на пост председателя партии.

— Чего вы добивались?

— Я хотел создать более сильную партию, чтобы весьма достойная программа «Унии свободы» привела к более эффективным результатам. На парламентских выборах в 1997 г. мы получили вполне неплохой результат, около 14%. Тут следует учесть, что на политической сцене появился блок «Предвыборная акция Солидарность», поддерживаемая самим движением «Солидарность». Мы шли на выборы под лозунгом «второй план Бальцеровича» — это была инициатива профессора Бронислава Геремека.

— Если в политику не вкладывать всю страсть, все свое сердце, все амбиции, то она за это мстит. И вам она как раз отомстила, потому что как политик вы потерпели поражение. «Уния свободы» больше не существует, второго плана Бальцеровича — не было. Ну и как, вы разочарованы этим своим «политическим эпизодом»?

— Отнюдь. Взгляните на достижения правительства Ежи Бузека, в котором я вновь был вице-премьером, — это

правительство по-прежнему не оценено по достоинству. Фундаментальная пенсионная реформа, основанная на широкой политической коалиции, — это огромное достижение. Ускорение приватизации — это еще одно. Прошу вас, только представьте себе, что было бы с польской экономикой, если бы в период правления Пис банки оставались государственными? Проведенная нами реформа местного самоуправления могла иметь свои недостатки, но она была проведена. Мы начали реформу системы здравоохранения. Была ускорена реструктуризация горной промышленности и железных дорог. Это огромное достижение. Так что игра стоила свеч.

— И стоило потом потерпеть поражение на выборах?

— Это расхожая мудрость: все говорят, что поражение было результатом слишком большого количества реформ. По моему мнению, это не было основной причиной. Экономическая ситуация во время правления коалиции «Предвыборной акции Солидарность» и «Унии свободы» была более трудной. Но главной причиной нашего поражения на выборах была чрезвычайная непрочность этой коалиции, в основном из-за центробежных тенденций в ПАС. У нас был выбор: либо всё пустить на самотек, либо вступать в конфликты с союзниками, борясь за реформы. Я выбрал второе. Премьер Бузек занимался внутрикоалиционными переговорами, а чем больше он вел переговоров, тем быстрее ПАС распадалась. А против нас выступала железобетонная экс-коммунистическая оппозиция во главе с Лешекком Миллером. Именно это, по моему мнению, и было основной причиной нашего поражения на выборах в 2001 году.

— Вы бы хотели еще раз вернуться в большую политику?

— Я не собираюсь ни занимать государственные должности, ни заниматься политической деятельностью. Зато меня чрезвычайно интересует возможность влиять на общественность. В частности, именно по этой причине я основал Форум гражданского развития (ФГР).

— По вашему мнению, препятствует ли политика проведению в стране рациональных реформ? Этому ли научил вас ваш опыт?

— Реформа государства всегда осуществляется посредством политики. А в политике, как и в любой профессии, есть разные люди. Есть такие, с кем можно многое сделать, и такие, которые только вредят.

— *А какие из них у власти сейчас?*

— Огромное качественное изменение к худшему — с точки зрения как направления, так и стиля политики — наступило после прихода к власти партии братьев Качинских. Появилась такая нравственность Кали^[1] в квадрате. Мой грех — это добродетель, ваш грех — это преступление. Вот основной лозунг этой политики.

— *Вы понимаете, что означал лозунг создания Четвертой Речи Посполитой?*

— На мой взгляд, в то время усилились самые худшие в политике явления: поиски внутренних врагов и тенденциозное использование государственного аппарата, что, как я надеюсь, будет еще доказано конкретными фактами.

— *Вас считают основателем польского либерализма. Вы либерал?*

— Если под этим определением понимать сторонника ограниченной роли государства в обществе и — благодаря этому — значительной роли рынка и гражданского общества, то да. Кроме того, с течением времени я становлюсь всё более, а не менее либеральным. Дело в том, что можно без труда продемонстрировать, что причина крупнейших социальных катастроф — чрезмерно разросшееся государство. Термины «либерал», «либерализм» были скомпрометированы, но либеральное направление побеждает.

— *Ощущаете ли вы сегодня гордость за то место, где сейчас находится Польша?*

— Достаточно даже поверхностного знакомства с польской историей, чтобы осознать, что период после 1989 года — лучший за последние 300 лет. Что касается будущего, то, если исключить какой-нибудь исключительно мрачный сценарий, можно сказать, что наша главная проблема сводится к тому, сумеем ли мы использовать тот шанс на развитие, который дает нам свобода.

Беседу вели Ежи Бачинский и Янина Парадовская

---

1. «Нравственность Кали» — вошедшая в пословицу

«философия» мальчика-африканца Кали, одного из действующих лиц книги Г.Сенкевича «В пустыне и джунглях». Кали формулировал ее так: «если кто-то у Кали украсть коровы, это плохо. Если Кали у кого-то украсть коровы — это хорошо» — Пер.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• В Познани проходит конференция ООН по вопросам изменения климата (COP-14), в которой участвуют более 8 тыс. человек из 185 стран. Начатая здесь работа над новым соглашением продлится год и завершится в декабре 2009 г. в Копенгагене, где должен быть подписан документ, который придет на смену Киотскому протоколу. В Познани у Польши нет отдельной делегации. От имени нашей страны и остальных 26 стран ЕС выступает общая делегация Евросоюза. Конференцию открыли премьер-министры Польши и Дании Дональд Туск и Андерс Фог. Важнее всего будут два последних дня, 11 и 12 декабря, когда сюда прибудут премьер-министры, президенты и министры охраны окружающей среды из 150 государств, а также генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. Конференция проходит на территории Познанской международной ярмарки, обладающей экстерриториальным статусом, — за порядком следят службы ООН. А на улицах ежедневно дежурит тысяча полицейских. («Газета выборча», «Жечпосполита», 1 дек.).

• „Самые богатые страны ЕС уже давно инвестируют в технологии, снижающие выброс CO₂ в атмосферу. Новые страны ЕС считают, что не могут позволить себе серьезного ограничения выбросов (...) На экологические планы западных стран новые члены ЕС налагают вето. Во главе их стоит Польша, которая грозит заблокировать весь климатический пакет, если не будет принята во внимание специфика стран бывшего восточного блока (...) Если мы существенно увеличим лимит выброса CO₂, наша экономика потеряет конкурентоспособность”. (Рафал Вось, «Дзенник», 1 дек.)

• „В этом году, впервые за несколько десятков лет, импорт угля в Польшу превысит экспорт. Экспорт энергии также впервые сравняется с импортом. Для страны, которая 95% электроэнергии и тепла производит из угля (...) это плохая новость. В польском энергетическом балансе нефть составляет лишь 5%”. («Политика», 6 дек.)

• „Рубикон перейден, у нас будет атомная электростанция. Официально правительство объявит о ее строительстве в январе (...) Станция будет построена на севере или на востоке

страны, так как инфраструктура там находится в особенно запущенном состоянии (...) Судя по всему, современный атомный реактор мы купим у Франции, мирового лидера в этой технологии (...) Электроэнергия потечет из реактора уже в 2021 году (...) «Я могу подтвердить, что в настоящий момент программа обсуждается с депутатами (...)» — сказал депутат от Гражданской платформы (ГП) Анджей Червинский». (Генрик Соколовский, «Польска», 6–7 дек.)

- В Брюсселе принят «энергоклиматический пакет». В переходный период с 2013 по 2020 г. польские электростанции должны будут покупать разрешения всего лишь на 30% выбрасываемого углекислого газа. За весь объем выбросов они начнут платить только с 2020 года. Кроме того, мы, как и другие небогатые страны ЕС, получим дополнительные квоты на выброс углекислого газа, которые мы сможем перепродать за 60 млрд. злотых в течение семи лет. Эти деньги могут быть предназначены на модернизацию электроэнергетики. По мнению эксперта Всемирного фонда дикой природы Стивена Сингера, в действительности до 2020 г. ЕС ограничит выброс углекислого газа лишь на 4%. Неофициально французские дипломаты говорят: соглашение достигнуто, но расплатился за это климат. («Дзенник», «Газета wyborcza» и «Жечпосполита», 13–14 дек.).

- „Бакинская энергетическая встреча президентов Польши, Украины, Литвы, Грузии и Азербайджана завершилась подписанием декларации, одобряющей экспорт в Европу нефти и газа из каспийских месторождений. Декларацию поддержали Болгария, Венгрия, Италия, Литва, Румыния, Турция, Швейцария, Эстония, а также Европейская комиссия и США. Воздержались от ее подписания Молдавия, Казахстан и Туркменистан. Это была уже четвертая встреча президентов стран Восточной Европы и прозападных постсоветских государств, посвященная поставкам каспийского сырья в Европу. Первый такой саммит был организован по инициативе президента Леха Качинского в Кракове, а следующие прошли в Вильнюсе и Киеве». («Газета wyborcza», 15–16 ноября)

- „Министр охраны окружающей среды проф. Мацей Новицкий сообщил, что к 2020 г. Польша ограничит выброс углекислого газа на 30% по сравнению с 1990 м (...) Неправительственные организации подчеркивают, что от саммита в Познани они ожидают не только декларации стран об ограничении выбросов углекислого газа, но и проектов, сдерживающих вырубку леса и облегчающих передачу чистых технологий в развивающиеся страны». (Петр Боярский, «Газета wyborcza», 6–7 ноября)

• Проф. Мацей Новицкий, основатель «Экофонда», министр охраны окружающей среды: „Больше половины поляков уверены, что климатические изменения обусловлены деятельностью человека. Участвуя в многочисленных дискуссиях, я часто слышу вопрос: «Что я могу сделать?» На это я всегда отвечаю: прежде всего экономить. Экономить энергию, воду, горючее. Пользоваться общественным транспортом, сортировать мусор, сажать деревья. Между тем, как показывают исследования, только треть из нас экономит электроэнергию и воду. Лишь очень немногие добираются до работы не на машине (...) По данным наших опросов, поляки предпочитают, чтобы проблемой глобального потепления занималось правительство, а не они сами (...) С 1988 г. мы ограничили выбросы углекислого газа на 30%, а ведь за это время национальный доход Польши вырос на 100%! Причина — постоянная модернизация нашей промышленности, которая во всё большем объеме использует новейшие мировые технологии, отличительная черта которых — как раз экономия сырья, энергии и воды”. («Газеты выборча», 28 ноября)

• „Запасы поверхностных вод в Польше в пересчете на человека в три раза меньше среднеевропейских и примерно в 4,5 раза меньше мировых. В Польше они составляют 1530 кубометров в год (в сухие годы — около 1000 кубометров), в Европе — 4560, а в мире — около 7200 кубометров в год (...) Нынешнее потребление воды не гарантирует экономической стабилизации, особенно в области сельского хозяйства, однако уже сейчас нарушает экологическое равновесие”. (Леонард Щигельский, «Бунт молодых духом», сентябрь-ноябрь).

• „В Брюсселе состоялась первая встреча т.н. группы мудрецов, членом которой является Лех Валенса. Группа обсуждает будущее ЕС в мире”. («Газета выборча», 5 дек.)

• „«Под предводительством Леха Валенсы возникло движение, которое привело Польшу к свободе», — сказал в пятницу в Гданьске духовный лидер тибетцев Далай-лама XIV на торжествах по случаю [25 й] годовщины вручения Леху Валенсе нобелевской премии мира. «Мы прекрасно боролись и добились больших изменений», — сказал бывший президент Польши. Кроме других нобелевских лауреатов и многих выдающихся поляков, на торжества прибыли, в частности, президент Франции Николя Саркози, председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу, а также премьер-министр Дональд Туск и министр иностранных дел Радослав Сикорский”. («Жечпосполита», 6-7 дек.)

- 3 декабря канцелярия премьер-министра, МИД и Минобороны получают посылки в виде пакетов со взрывчаткой. В этот день более ста стран, в т.ч. большинство членов ЕС, подпишут в Осло конвенцию, запрещающую кассетное оружие. Польши среди них не будет. Поэтому неправительственные организации (в частности, польский «Красный крест» и «Международная амнистия») организовали этот необычный протест (...) Пресс-секретарь генштаба полковник Сильвестр Михальский подчеркивает, что оборонная доктрина предусматривает применение этого оружия лишь в целях отражения атаки на территории страны (...) «Сначала ограничение должны поддержать крупнейшие производители этого оружия», — объясняет МИД. Дело в том, что США, Россия и Израиль не собираются подписывать конвенцию. («Ньюсуик-Польша», 30 ноября)

- „Польша — один из производителей кассетного оружия. Его изготавливают на Металлозаводе в Краснике, где производятся минометные кассетные снаряды калибра 98 мм и артиллерийские снаряды калибра 122 мм. Зона поражения — несколько десятков метров. Один снаряд стоит несколько десятков тысяч злотых. Производитель заверяет, что не продает кассетных снарядов за границу. Их покупает исключительно польская армия. Они имеются, например, у польского контингента в Афганистане, хотя, как утверждается, ему до сих пор не приходилось их использовать (...) «Мы считаем, что пока такое оружие есть у наших соседей, отказ от него был бы преждевременным», — говорит министр иностранных дел Радослав Сикорский». («Газета wyborcza», 4 дек.)

- „Поляки массово покупают облигации. В ноябре объем продажи государственных ценных бумаг составил 1,12 млрд. злотых. Это самый высокий месячный показатель за последние пять лет. С начала года министерство финансов продало ценных бумаг на сумму 5,2 млрд. злотых, в то время как за весь 2007 год объем продажи составил 8,6 млрд. зл., а за 2006 г. — 4,2 миллиарда. Из-за трудного положения на рынках поляки чаще покупают надежные и безопасные бумаги». («Жечпосполита», 14 ноября)

- Януш Янковяк, главный экономист Польского совета бизнеса: «В Польше мы имеем дело с растущим дефицитом текущего счета, с уменьшением доли иностранных инвестиций в финансировании этого дефицита и с самой острой в регионе — если не считать России — потребностью во внешнем финансировании в 2009 году. Все это, в сочетании с быстро

ухудшающимися макроэкономическими условиями в стране и за рубежом, означает растущую вероятность продолжительного ослабления злотого». («Жечпосполита, 18 ноября)

- „По данным Главного статистического управления (ГСУ), в октябре средняя зарплата на предприятиях со штатом более девяти человек составила 3241,81 злотых до вычета налогов. Это самая высокая зарплата за всю историю, приблизительно на 70 зл. выше, чем месяц назад (...) Зарплаты на предприятиях растут значительно медленнее, чем месяц назад, но рост всё еще значителен. По сравнению с прошлым годом он составил 9,8%. Сегодня на предприятиях зарабатывают на 290 зл. больше, чем год назад, при занятости на 183 тыс. человек больше. Уже несколько месяцев уровень занятости удерживается приблизительно на одном уровне — более 5,4 млн. человек. За последний месяц она выросла на 3 тыс. человек”. («Жечпосполита», 19 ноября)

- Президент подписал дополнения к закону о Банковском гарантийном фонде. Если банк обанкротится, хранящиеся в нем депозиты до суммы 190 тыс. злотых будут полностью возвращены вкладчикам. («Жечпосполита, 25 ноября)

- „Как сообщило ГСУ, всё новые данные подтверждают, что польская экономика продолжает резко замедляться. К низкому уровню производства в октябре (по сравнению с октябрём прошлого года его объем вырос лишь на 0,2%) и слабому росту трудоустройства (рост на 3,6%) прибавилось значительное падение динамики розничных продаж. Поляки покупали только на 7,9% больше, чем год назад, в то время как еще в сентябре этот показатель составлял 11,6%”. («Дзенник», 27 ноября)

- „Совет монетарной политики неожиданно снизил ставки. Вопреки ожиданиям экономистов процентные ставки снизились на 0,25%. Теперь кредиты в злотых будут дешевле (...) В настоящее время основная процентная ставка составляет 5,75%. Предпринятое в среду снижение ставок было первым за почти три года”. («Жечпосполита», 27 ноября)

- „На предприятиях прошла новая волна массовых увольнений. Только в октябре 104 фирмы объявили об увольнении 6 тыс. человек”. («Жечпосполита», 28 ноября)

- „По данным статистической службы ЕС Евростат, уровень безработицы снизился в Польше с 6,5% в сентябре до 6,4% в октябре. Он ниже среднего уровня по ЕС (7,1%) (...) Данные

Евростата отличаются от подсчетов ГСУ, согласно которым безработица в октябре составила 8,8%. ГСУ опирается на данные центров занятости, а Евростат учитывает также теневую экономику". («Дзенник», 29-30 ноября)

- Вчера премьер-министр Дональд Туск и министр финансов Яцек Ростовский сообщили, что ВВП вырастет в будущем году на 3,7% вместо запланированных 4,7%. («Дзенник», 1 дек.)

- „«Мерил Линч» снизил прогноз польского экономического роста в 2009 г. до 1,8%. До сих пор он оценивался в 3,3%. В этом году, по мнению «МЛ», рост ВВП составит 4%". («Дзенник», 5 дек.)

- „«Standard & Poor's» повысил оценку риска национального банковского сектора для Польши (B1-CRA) (...) Наша страна поднялась из 6 й группы в 5 ю (из десяти существующих)". («Дзенник», 5 дек.)

- „В Польше инфляция почти в два раза выше, чем в зоне евро. Значительно быстрее растут у нас также оплаты и кредиты. В октябре инфляция составила 4,2%. По оценкам министерства финансов, в ноябре ее уровень должен составить 3,8%". («Газета выборча», 5 дек.)

- „Банки предлагают рекордно высокие проценты по вкладам — до 9-10% годовых (...) В большинстве банков доля кредитов почти так же велика, как доля вкладов, поэтому они не могут допустить оттока средств с вкладов. Финансовая стабильность важнее сиюминутной прибыли". («Газета выборча», 8 дек.)

- „Впервые за несколько лет в Польше снизилось потребление электроэнергии. На прошлой неделе ее понадобилось на 500 МВт меньше. Всего Польша потребляет (...) около 23 тыс. МВт. Меньше электроэнергии стали потреблять крупные фирмы, которые ввиду отсутствия заказов сокращают производство". («Газета выборча», 11 дек.)

- „Управление Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору сообщило в понедельник, что после трех лет запрета Россия снова разрешит импорт польских продуктов растительного происхождения (...) Запрет на импорт польских растительных продуктов был введен Россией в 2005 году". («Дзенник», 12 ноября)

- „«Мы не намерены разрешать России размещать у нас ракеты „Искандер» в ответ на элементы американской ПРО. Но мы хотим иметь их на вооружении нашей армии», — заявил

пресс-секретарь белорусского МИДа”. («Газета выборча», 18 ноября)

- Из итогового документа саммита министров иностранных дел НАТО в Брюсселе: «Мы призываем Россию отказаться от провокационных заявлений, в частности о сферах влияния, а также от угроз в адрес союзников и партнеров НАТО — в т.ч. от размещения ракет ближнего радиуса действия в Калининградской области». («Жечпосполита», 4 дек.)

- Дмитрий Рогозин, постоянный представитель России при НАТО: „Если не будет американских баз в Польше и Чехии, не будет и «Искандеров» в Калининграде”. («Жечпосполита», 5 дек.)

- „Осетинские солдаты задержали вчера в Ахалгори колонну автомобилей президентов Польши и Грузии Леха Качинского и Михаила Саакашвили. В отдалении прогремело три автоматных очереди в воздух (...) Президенты ехали в деревню Метехи, где собирались посетить грузинских беженцев из Южной Осетии. Они выбрали дорогу через расположенное в Осетии Ахалгори, где все еще стоят российские войска”. («Газета выборча», 24 ноября)

- Депутат Павел Залевский, бывший член «Права и справедливости» (ПиС), бывший председатель парламентской комиссии по иностранным делам: «Президент верит, что он прав. Во внешней политике он романтик, воспитанный на Варшавском восстании. Не думаю, чтобы он использовал внешнюю политику инструментально, чтобы поднять свой рейтинг в стране. В то же время окружение президента прекрасно понимает, что такая позиция может помочь ему перед выборами. И, возможно, они, видя, что президент переходит некоторые границы, не пытаются его переубедить». («Газета выборча», 25 ноября)

- „Ахалгорский район (...), расположенный в административных границах Южной Осетии, — это область компактного проживания грузин. Но россияне оттуда не ушли, а осетины наводят свои порядки (...) В Польше сейчас можно услышать, что президент Качинский «переиграл» (...) Если бы в 1963 г. президент Кеннеди послушал такого рода советов, он не полетел бы в Западный Берлин, у которого тогда был спорный юридический статус. Теоретически он должен был попросить разрешения на въезд у СССР (...) В Ахалгори, как и в других поселениях, названия которых европейские политики уже позабыли, на Леха Качинского смотрят как на одного из тех

немногих, кто спасает честь Европы”. (Войцех Пенчак, «Тыгодник повсехный», 30 ноября)

• „На основании предварительного изучения инцидента в обнародованном правительством отчете однозначно утверждается, что он не был попыткой покушения, зато с грузинской (и нашей) стороны имело место нарушение элементарных правил безопасности, а грузинская сторона вместе со своим президентом повела себя крайне безответственно (...) Президент — не частное лицо (...) Подвергать его жизнь опасности — не его лично дело (...) Каковы последствия этих геройских действий в зоне конфликта? Грузия дальше от членства в НАТО, чем была. Российско-польские отношения после — как выяснилось, безосновательных — обвинений Леха Качинского ухудшились еще больше. Запад, который хочет поддерживать с Россией отношения (не только торговые), смотрит на нас с некоторым раздражением. В стране очередная война по линии правительство — президент”. (Ян Видацкий, «Пшеглэнд», 7 дек.)

• Никита Михалков: „Я видел «Катынь», и хорошо, что Вайда наконец снял этот фильм. Что касается наших трудных двусторонних отношений, то у нас нет выхода. Мы обречены на сосуществование, каким бы оно ни было — хорошим или плохим. Эта геополитическая ситуация не оставляет нам выбора. Мы можем ссориться, делать фильмы, обвиняющие другую сторону в подлости и жестокости, но в конечном итоге мы ведь друг с другом связаны”. («Впрост», 16 ноября)

• „В компьютерной базе данных министерства культуры и национального наследия находится список из 1917 предметов, награбленных Красной Армией во время II Мировой войны. В рубрике «место хранения» значится Россия. Хотя еще в 2004 г. мы передали российской стороне десять заявлений о возвращении утраченного имущества, которые касались объектов, найденных на российском сайте (...) Польша до сих пор не получила ответа. В период II Мировой войны Советский Союз дважды вывозил произведения искусства и ценности с территории Польши. В первый раз, когда 17 сентября 1939 г. советская армия, в соответствии с пактом Молотова — Риббентропа, захватила польские восточные земли. Во второй раз, когда уже союзная Красная Армия вывозила военную добычу из побежденной Германии, со складов, на которые свозились ценности из польских музеев и церквей”. («Наш дзенник», 29–30 ноября)

- „Хоругвь гетмана Ивана Мазепы, один из важнейших символов украинской государственности, в течение года находилась на реставрации у польских специалистов. Флаг из Харьковского исторического музея — одна из трех известных в мире казачьих гетманских хоругвей (...) Он сшит в 1686–1687 гг. в царских мастерских в Кремле” («Пшеглэнд православный», октябрь)
- „Вышла книга выдающихся русистов Виктории и Рене Сливовских. Ее больше интересует история, его — литература. Это, впрочем, неважно — ведь у них общий взгляд на мир. Называется книга «Россия, наша любовь» («Искры», 2008). Что ни говори, а чтобы так озаглавить книгу во времена, когда русофобия стала чуть ли не официальным показателем патриотизма (...) нужна определенная смелость. И наверняка это демонстрация благородной интеллектуальной независимости (...) Их книга не только учит экуменическому пониманию и смирению. Это также рассказ о том, как, даже идя против жестокого ветра истории, можно не поддаться соблазну ненависти”. (Людвик Стомма, «Политика», 6 дек.)
- „В России появилась своя «Солидарность» (...) Демократы выбрали вчера делегатов на съезд основателей нового движения «Солидарность» (пишется кириллицей с трехцветным флажком), запланированный на 13 декабря”. («Газета wyborcza», 24 ноября)
- „«Несмотря на серьезные разногласия по вопросу ПРО, Польша и Россия должны разговаривать, — сказал министр иностранных дел Сергей Лавров на вчерашней встрече с иностранными предпринимателями. — Мы разговариваем с Польшей, так как это одна из ведущих стран ЕС», — заявил он (...) Россия объявила вчера, что отводит около 900 танков из Калининградской области”. («Жечпосполита», 11 дек.)
- „Пекин протестует против планов назвать площадь, расположенную на пересечении улиц Мартина Каспшака и Примаса Тысячелетия, площадью Свободного Тибета. В польский МИД поступил официальный протест (...) С инициативой присвоить такое название одной из площадей Варшавы выступили депутаты района Воля. Предложение было принято большинством голосов (...) Городская управа Варшавы должна заняться этим вопросом в феврале”. («Дзенник», 10 дек.)
- Лех Качинский встретился с Далай-ламой. Встреча с тибетским духовным лидером — официально носившая частный характер — состоялась вчера вечером. Сегодня Далай-

лама по специальному приглашению маршала Сената Богдана Борусевича посетил парламент. Потом он встретился с президентом (мэром) столицы Ханной Гронкевич-Вальц. Во второй половине дня в Варшавском спорткомплексе он выступил перед 5 тыс. слушателей с докладом «Всеобщая ответственность в современном мире». Интерес был столь велик, что городские власти установили перед спорткомплексом большой телеэкран. Это событие освещали 280 журналистов. Было установлено 20 телекамер. Теле- и радиостанции транслировали встречу в прямом эфире. В Гданьске Далай-лама встретился с премьер-министром Дональдом Туском, в Кракове получил звание почетного доктора Ягеллонского университета (...) а во Вроцлаве — почетного гражданина города. («Дзенник», «Газета wyborcza», «Польска», «Жечпосполита», 11 дек.)

• „Идет трагический по своей мстительности и мелочности процесс генерала Войцеха Ярузельского. Обвиняемый предоставил суду более обширную и полную документацию, чем прокуратура. Это свидетельства, о которых могут спорить историки, но не суд (...) Впрочем, генерал зря старался. Он стоит не перед теми, кто будет утруждать себя вниканием в его мотивы или хотя бы в мотивы геополитики и истории. Он стоит перед этим всё более могущественным «ничто», на которое нет ответа, перед интеллектуальным тоталитаризмом, который не ищет, потому что знает. И честно скажу, я этого «ничто» ужасно боюсь”. (Людвик Стомма, «Политика», 11 ноября)

• Апостольский нунций в Польше архиепископ Юзеф Ковальчик рассказал в интервью, что «Папа Иоанн Павел II относился к генералу Войцеху Ярузельскому с некоторым уважением, поскольку знал, что в этом человеке есть какой-то дух патриотизма, дух добра, какая-то воля защитить Польшу». («Дзенник», 20 ноября)

• „Даниэль Ольбрыхский, актер: «В декабре 1981 г. я не сомневался, когда доктор Юзеф Рыбицкий попросил меня подписать письмо протеста против военного положения. Точно так же и теперь я полностью согласен со статьей Квасневского и призывом к защите генерала Ярузельского». Казимеж Куц, режиссер: «То, что происходит вокруг генерала после стольких лет, — дело рук Института национальной памяти (ИНП). Генерал был обвинен в уголовном преступлении „вооруженными силами братьев Качинских”». Владислав Фрасыньюк, бывший лидер явной и подпольной «Солидарности», бывший политзаключенный: «Для того

чтобы ввести военное положение, нужна была смелость, но еще большая смелость нужна была для того, чтобы сесть за стол переговоров и пожать руку человеку, которого ты притеснял. „Круглый стол” — это важное обстоятельство для оценки Ярузельского». («Пшеглэнд», 16 ноября)

• Ольга Липинская, многолетний директор варшавского театра «Комедия», создательница кабаре, а также множества театральных и телеспектаклей: «Под возвышенным лозунгом нравственного очищения и национальной памяти создана могущественная организация, а скорее политическая сила. Я говорю об ИНП. Эта организация использует террор, манипулирует папками с досье спецслужб. Она выбирает только некоторые — по принципу уничтожения неугодных (...) Никто не хочет, чтобы на него навесили ярлык коллаборациониста, тайного агента или сотрудника органов безопасности. Ведь из-за этого можно потерять работу, сделаться изгоем общества. Люди боятся и оправдываются в том, что им довелось жить и работать в тех, а не иных условиях (...) Это месть посредственностей по отношению к тем, кто чего-то достиг (...) Человеческий страх делает ИНП могущественной силой. Но мы не можем поддаться сумасшествию. Нельзя бояться, оправдываться. Нужно это высмеять, и высмеять тех, кто к этому поливанию грязью относится всерьез (...) Уничтожаются все научные, творческие и политические авторитеты. Это не очищение, а террор, и так это и нужно называть». («Пшеглэнд», 30 ноября)

• Музей истории Польши объявил в Интернете плебисцит «Иконы [межвоенного] двадцатилетия». «Икону» музей определил как «символ и образец для подражания». В голосовании приняли участие около 20 тыс. пользователей сети. Первое место занял Юзеф Пилсудский (5541 голосов), второе — Станислав Игнаций Виткевич (2340 голосов), третье — св. Фаустина Ковальская (1426 голосов). («Газета wyborcza», «Жечпосполита», 10 дек.)

• „Своей властью в возрожденной Польше Пилсудский обязан немцам (...) Если бы германское правительство, а точнее военная разведка, не выпустили его из тюрьмы в Магдебурге (...) и не организовали ему поезд в Варшаву (как, прошу прощения, Ленину), то в столице сформировалось бы другое правительство (...) Собраны улики, свидетельствующие о многолетнем сотрудничестве Пилсудского с разведкой Австро-Венгрии (...) Свидетели гибели при обстоятельствах, недвусмысленно указывающих на политические убийства. Это касается не только смерти генерала Влодзимежа Остои-

Загурского — когда-то офицера австро-венгерской военной разведки, который был убит, вероятно, именно потому, что слишком много знал (...) По меньшей мере полтора десятка офицеров Войска Польского, а также свидетели по делу гибели Загурского, пали в это время жертвами таинственных несчастных случаев, пищевых отравлений и, наконец, убийств — по официальной версии, бандитских. Особенно мор коснулся тех, кто осмелился стать на пути Пилсудского в период формирования Легионов (...) Список не исчерпывается удушением польского парламентаризма [путч 1926 г. со смертельными жертвами. — Ред.], попиранием независимости судов, брестским процессом [против депутатов оппозиции] и Березой-Картуской [дисциплинарный лагерь для политических противников], а также цензурой, в т.ч. законом, предусматривавшим наказание за порочение доброго имени Пилсудского (...) До самой смерти он блокировал развитие авиации и бронетанковых войск”. (Рафал А. Земкевич, «Жечпосполита», 22-23 ноября)

• „В субботу на 82 м году жизни после тяжелой продолжительной болезни скончался многолетний редактор еженедельника «Политика» Мечислав Ф. Раковский. С сентября 1988 по июль 1989 г. он был последним премьер-министром ПНР, затем первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии, вплоть до последнего ее съезда в январе 1990 года. Будучи премьером, он допустил свободу хозяйственной деятельности и создание первых в ПНР частных банков (...) В 1968 г. Раковский отмежевался от развязанной тогда антисемитской компании”. («Газета wyborcza», 10-11 ноября)

• Президент Лех Качинский пока что не дал согласия на принятие Ханной Гронкевич-Вальц (президентом Варшавы), Казимежем Марцинкевичем (бывшим премьер-министром) и Павлом Залевским (депутатом, бывшим председателем парламентской комиссии по иностранным делам) орденов, присужденных им иностранными государствами. («Политика», 15 ноября)

• Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, за ГП готовы проголосовать 52% поляков (что соответствовало бы 277 местам в Сейме), за Пис — 27% (152 места), за коалицию Союза демократических левых сил (СДЛС) и «Унии труда» — 7% (30 мест). В Сейм не прошли бы крестьянская партия ПСЛ (4%), «Лига польских семей» (2%), «Польская социал-демократия» (2%), «Самооборона» (2%) и «Уния реальной политики» (2%). («Газета wyborcza», 10 дек.)

• Бригида Кузняк, кандидат юридических наук, депутат Краковского городского совета трех созывов, в настоящее время депутат воеводского сеймика: „Пагубная «политизация» местного самоуправления заключается в том, что политические партии относятся к нему как к своего рода добыче (...) На первые места в избирательных списках часто попадают не столько нужные местному сообществу люди, сколько те, кто по каким-то причинам важен для самой партии (...) Забота об общественном благе подменяется заботой о благе партийных деятелей. Городская управа часто используется как учебно-испытательный полигон для будущих депутатов Сейма или как теплое местечко для верных, но посредственных деятелей второй категории (...) Депутаты часто отличаются партийной, квази-племенной лояльностью (...) и никого не интересует, как такое поведение отразится на интересах гмины и жизни ее населения. «Специализация» же в органах самоуправления имеет мало общего с «профессионализацией» и подготовкой депутата к исполнению его обязанностей, а скорее с тем, что должность эта является единственным платным занятием занимающего ее человека. Депутатство часто становится способом выживания и источником доходов, как бы профессией (...) Деградация органов самоуправления идет быстро (...) Всех настоящих самоуправленцев, множество прекрасных людей, которых я все-таки встретила в органах местного самоуправления, прошу меня извинить и не принимать на свой счет”. («Пшеглэнд», 23 ноября)

• Тадеуш Гадач, философ и религиовед, научный сотрудник Collegium Civitas и Польской Академии наук: «В Польше никто не протестует против лжи политиков. Во многом это вытекает из того, что наша религиозность, в отличие от американской, интенсивна главным образом в сфере символов. Намного хуже обстоит дело с соблюдением нравственных принципов на практике». («Жечпосполита», 19 ноября)

• „В Третьей Речи Посполитой духовная элита, способная влиять на общество, исчезла с общественной сцены. Политические верхи ее игнорируют, лишь по особым случаям используя наиболее выдающихся ее представителей в качестве украшения для ищущих популярности политиков. Вместо них пришла псевдоэлита — назначенная и рискующая «увольнением» за слишком явную независимость. Правящие верхи стали самодостаточными, интеллектуальной же элите претят придворные обязанности (...) В польском сознании не существует иной элиты, нежели политическая. Аристократическая элита была уничтожена при ПНР. Интеллектуальная элита маргинализирована. Хозяйственная и

финансовая элита еще не сформировалась. Нет всеми признанной нравственной элиты, поскольку нет всеми признанной, стихийно сложившейся системы нравственных норм. Нет чиновничьей элиты, так как для формирования устойчивой структуры карусель должностей крутится слишком быстро. Так что у нас есть исключительно политическая элита, да и та не элита, а всего лишь группа наибольшего политического влияния”. (Мацей Рыбинский, «Жечпосполита», 8 дек.)

- Опрос ЦИОМа показал, кого поляки считают авторитетом (то есть человеком, которого любят, уважают и с чьим мнением считаются), а кого относят к антиавторитетам (то есть к тем, кого не уважают и с чьим мнением несогласны). Первое место среди авторитетов занял Ежи Овсяк, создатель Большого оркестра праздничной помощи, получивший 55% голосов (и 5% в качестве антиавторитета). За ним идут Анджей Вайда — соответственно 49 и 2%, кардинал Станислав Дзивиш — 48 и 5%, Владислав Бартошевский — 41 и 6%, Лех Валенса — 35 и 12%, Тадеуш Мазовецкий — 31 и 7%. Далеко от начала списка оказались Лех Качинский (12 и 38%), Ярослав Качинский (8 и 42%) и Тадеуш Рыдзык (6% и 53%). («Политика», 29 ноября)

- „В Польше модель участия в общественной жизни интеллектуалов — то есть, в нашем представлении, элиты среди интеллигенции — пока что только формируется. Для наших правых, как и для наших левых, ниспровержение авторитетов иногда бывает самоцелью. Правые уничтожают авторитеты левых и либералов, левые платят той же монетой правым. О каком-либо взаимопроникновении не может быть и речи. Обе стороны ведут свои культурные войны на глазах у всё менее заинтересованной ими общественности (...) Всё это развивается в нехорошем направлении (...) Нам нужно что-то серьезное. Что-то, что упорядочит нашу действительность, будучи в то же время свободно от воинственной односторонности. Интеллектуалы-борцы были нужны нам во времена холодной войны. Диссиденты в Польше и СССР показывали словом и делом, добросовестным описанием, критическим анализом и личным примером, что всё не так, как говорит официальная пропаганда. Эта их миссия кончилась вместе с крахом коммунистического блока. Что, впрочем, не означает, что демократия не требует независимого критического осмысления и гражданского отношения”. (Адам Шосткевич, «Политика», 15 ноября)

- Томаш Яструн, писатель и литературный критик: «Мы дожили до времен, когда, желая быть независимым от своей

среды, человек попадает в зависимость от бедности или коммерции». («Дзенник», 6-7 дек.)

• Три культуры — польская, еврейская и украинская — вот уже десять лет встречаются на осеннем фестивале во Влодаве. Наполняются зрителями две синагоги (в которых размещается музей Ленчинско-Влодавского Поозерья — организатор фестиваля), влодавские костелы и православная церковь. 12-14 сентября в 15 тысячный городок съехалось больше полутора десятков тысяч человек из разных уголков Польши. Прибыло также множество звезд польской сцены. («Пшеглэнд православный», октябрь)

• „Уже 11 лет общество «Дети Катастрофы» окружает заботой польских «Праведников среди народов мира». Для своих подопечных оно покупает протезы, инвалидные коляски, присылает вспомоществование на лекарства и еду. На попечении каждого члена общества полтора десятка человек. И хотя «детям» по 60-70 лет, они регулярно ухаживают за «Праведниками», которые старше их на 20 лет. Кроме того, дважды в год общество оплачивает полтора десяткам своих подопечных праздничную поездку на отдых (...) На Рождество и Пасху «Дети Катастрофы» готовят подарки. Перед праздниками спасшиеся от уничтожения разносят коробки с кофе, сладостями, фруктами, ветчиной, паштетом и черносливом (...) В этом году впервые не хватило денег. Ряды общества редуют (...) Общество, действующее с 1991 г., объединяет несколько сот людей, спасшихся от Катастрофы, которым к началу II Мировой войны было не больше 13 лет”. (Божена Аксамит, «Газета выборча», 5 дек.)

• „20 октября в Хелме началось двухдневное поминание в 70 ю годовщину самого трагического для Польской православной Церкви события — варварского уничтожения 127 православных храмов по распоряжению польских властей. Участники ждали, что скажут польские власти (...) Лех Качинский написал (...): «Как президент Польши я сознаю важность восстановления памяти о несправедливости, коснувшейся православных граждан нашей страны (...) Поэтому я принял решение взять под почетное покровительство издание книги о разрушении церквей в 1938 г., а также направить письмо участникам сегодняшних памятных торжеств в честь этой годовщины (...) Сожалея о винах наших предков, мы хотим с особой силой подчеркнуть наше стремление строить такую Польшу, в которой равноправие вероисповеданий будет общеобязательной и безоговорочно соблюдаемой нормой»”. («Пшеглэнд православный», ноябрь)

• Эугениуш Чиквин, депутат Сейма от СДЛС: «Что касается отношений государства с православной Церковью и другими некаатолическими Церквями и религиозными объединениями, то прошедший год можно оценить положительно (...) Среди вопросов, решенных позитивно, следует упомянуть принятие поправок к бюджету на 2008 г., предусматривающих выделение 1,5 млн. злотых на продолжение ремонтных работ в Супрасльской лавре. Принятие этой поправки может войти в историю Сейма. Наверное, впервые из четырехсот внесенных оппозицией поправок к бюджету Сейм проголосовал только за одну, касающуюся Супрасля». («Пшеглэнд православный», ноябрь)

• „Сегодня трудно говорить о светском характере польского образования. Во многих школах учебный год начинается и заканчивается мессой. В классах висят кресты (...) На школьных праздниках присутствуют религиозные элементы (...) В то же время более 50% родителей считают, что местом преподавания Закона Божия должен быть приход (...) У религии в школе экстерриториальный статус. Содержание и форма обучения зависят от Церкви. Министерство образования может только молчать. Выбор учителей Закона Божия зависит исключительно от епископа. Но в другую сторону эта независимость не всегда действует. Во многих школах учитель Закона Божия играет роль офицера по идеологии, который следит, чтобы церковные рекомендации претворялись в жизнь (...) Почему неприемлемо возвращение Закона Божия в приходы? Михал Барольд из [католического] журнала «Знак» предлагает какое-то объяснение: деньги. Классы для занятий Законом Божиим давно арендованы, а для Церкви это источник доходов. Зарплаты учителей финансируются из государственного бюджета. В прошлом году они поглотили почти 1 млрд. злотых”. (Иоанна Подгурская, «Политика», 15 ноября)

• „Пилотный образовательный проект, который должен противодействовать дискриминации и пропагандировать терпимость, называется «Шавим», что на иврите означает «равные». Это первая такая программа в Польше. Подготовила его варшавская еврейская община. С сентября в десяти специально отобранных классах варшавских и подваршавских гимназий проводятся занятия на тему жизни в многокультурном обществе (...) Продлятся они до 18 декабря. Следующий тур программы «Шавим» начнется, вероятнее всего, осенью (...) Участие в финансировании программы принимает министерство культуры и национального наследия,

а также столичное бюро образования”. («Газета выборча», 12 дек.)

- „В Польше всего 28% детей от 3 до 6 лет ходят в детские сады. В ЕС этот показатель составляет 84% (...) Если детсадовская подготовка не будет поголовной, то реформа, вводящая школу с 6 лет, обречена на неудачу”. («Дзенник», 6-7 дек.)

- „Согласно подсчетам Европейского общества репродукции человека и эмбриологии, 3 млн. взрослых поляков безуспешно пытаются родить ребенка — по несколько месяцев, а иногда и лет. Это полтора миллиона пар (...) Всемирная организация здравоохранения признала бесплодие социальной болезнью”. («Ньюсуик-Польша», 14 дек.)

- „Только за последний год 70% детдомовских детей были обворованы, каждый третий — избит, каждый десятый — изнасилован (...) Учреждения, в которых живут дети, перенаселены. К таким выводам пришла Верховная контрольная палата, проверив состояние 49 детдомов. В каждом из них пребывает в среднем 55 воспитанников, хотя по правилам должно быть не больше 30 ти. Стало практикой помещать в интернаты молодежь с судебными приговорами, для которой не хватило места в воспитательных учреждениях. Санитарно-эпидемиологические и противопожарные условия в детских домах не соответствуют нормам”. («Газета выборча», 24 ноября)

- „В Польше можно без разрешения и возрастных ограничений купить пневматическое ружье (...) Низкие цены на пневматическое оружие позволяют подросткам хладнокровно убивать множество кошек и собак, которые погибают в мучениях (...) Полиция прекращает большинство следствий по таким делам (...) из-за отсутствия доказательств (...) Полицейские находят в среднем 7 из 10 виновных в издевательствах над животными. Только в прошлом году полиция направила в прокуратуру 631 заявление о подготовке обвинительного акта. «Донесений о такого рода случаях из года в год всё больше, — говорит прапорщик Малгожата Голашевская из пресс-службы Главного комиссариата полиции. — В истекшем году почти каждый третий подозреваемый был бездомным. Среди подозреваемых было также 119 школьников и 6 студентов”. (Войцех Анджеевский, фелинологический ежемесячник «Кот», декабрь)

- „«Сначала охотники, среди которых были и сотрудники Бюро охраны правительства, (...) джипами согнали кабанов вместе, ослепляя их мощными фарами, а затем всех перестреляли», —

рассказывает житель поморского города Турск”. (Матеуш Венсерский, «Польска», 11 дек.)

• „В Польше уже есть неправительственная полиция по охране животных, но, хотя ее полномочия велики, отсутствие финансирования и кадров ограничивает ее работу (...) Полиция по охране животных должна быть, как и обычная, государственным учреждением. Пока этого не произойдет, наши дороги будут усеяны убитыми животными, а сами мы будем становиться все более бесчувственными. Я не представляю себе светлого будущего у общества, которое спокойно смотрит на автотрассы, полные трупов наших братьев меньших (...) Наверное и лучше, если животное погибает на месте: в 90 случаях из ста машина даже не снижает скорости. (...) Мы пишем законы о том, можно ли купировать собакам уши и хвосты. Мы возвышенно говорим об эвтаназии животных, живущих с человеком, но спокойно проносимся мимо сбитой собаки и едем по трупу кота — не обязательно черного, потому что таких чаще всего убивают намеренно”. (Дорота Суминская, «Политика», 15 ноября)

• „Еще 20 лет назад в Польше жило лишь 80 пар орланов-белохвостов. Сегодня их около 800 (...) В прошлом причиной огромных потерь среди польских хищных птиц было массовое применение инсектицида ДДТ (дихлордифенилтрихлорметилметана). Именно ДДТ был виноват в недоборе кальция и хрупкости скорлупы птичьих яиц (...) Во время высиживания яйца давились (...) Сегодня число пар, которым удалось вырастить потомство, достигает в Польше 70% (...) Отказ от употребления ДДТ — лишь одна из причин успеха (...) Еще в 1980-е за орлов и других птиц заступились их любители, основав Комитет охраны орлов, одну из старейших неправительственных организаций в Третьей Речи Посполитой (...) Они убедили власти окружить гнезда орланов защитными зонами. «Сегодня в радиусе 200 м от гнезда нельзя даже шишки поднять, не говоря уже о рубке деревьев», — рассказывает вице-председатель КОО Тадеуш Мизета из Познанского университета природоведения”. (Якуб Хелминский, «Дзенник», 24 ноября)

• „Спасение камышевки вертлявой — большой успех. Но его не было бы, если бы не ЕС, предназначивший на эту цель 5,5 млн. евро (...) Мы работаем над восстановлением мест, где селятся камышевки (...) Эта гигантская инвестиция уже начала приносить плоды, потому что камышевки стали возвращаться в места, откуда много лет назад исчезли (...) Наблюдения

подтверждают, что из года в год их становится все больше”.
(Катажина Текень, «Дзенник», 19 ноября)

• „Еще полтора десятка лет назад в Пенинах было всего 20 аполлонов. Сегодня их уже больше тысячи (...) В 1993 г. проф. Збигнев Вилковский собрал куколки самой большой и красивой польской бабочки в ее последнем пристанище (местоположение ученые держат в тайне). В Словакии обнаружилось два таких же места. В результате нескольких лет работы удалось привезти оттуда куколки в Польшу. Популяция бабочки стала восстанавливаться (...) По мнению ученых, кризис позади”. (Яцек Боркович, «Дзенник», 4 дек.)

• „Тонны мусора (...) ежедневно свозят в деревушку Бяловежа, расположенную в самом сердце Беловежской пуши. Отходы сваливаются всего лишь в 300 м от заповедника. И ничего нельзя предпринять, потому что все делается по закону. Каждое утро мусоровоз проделывает 18 километровый путь вдоль границ природного заповедника. Ежемесячно в Беловежскую пушу попадает 150 тонн отходов”. (Якуб Хелминский, «Дзенник», 26 ноября)

• „Комиссары ЕС хотят вернуть свободу в мир овощей и фруктов (...) Кривые огурцы, до последнего времени дискриминированные из-за формы, смогут вернуться на полки магазинов (...) Будут отменены 26 предписаний, касающихся, в частности, баклажанов, абрикосов, вишни, чеснока, порея, гороха, арбузов, шпината и огурцов. Согласно директиве ЕС от 1988 г., кривизна огурцов может составлять максимум 10 мм на каждые 10 см длины, а огурцы, весящие больше 0,5 кг, должны иметь не менее 30 см в длину. В силе остаются еще 10 предписаний”. («Впрост», 16 ноября)

СИЛА ЛИЧНОСТИ

— ТОК-ФМ — это третья по популярности межрегиональная радиостанция в Польше. Раньше она называлась «Инфорadio» и вещала в типовом информационном формате, с дикторами, читающими новости. Когда появилась эта первая радиостанция?

— В 1993 г., но лицензию нам дали в 1996 м. Однако настоящий старт был двумя годами позже. Вскоре название поменялось на «ТОК-ФМ — разговоры» — это лучше соответствовало интерактивному характеру передач. Я пришла на радиостанцию в 2000 году.

— С 1999 г. радио получило сохранившееся по сей день название «ТОК-ФМ» и уже официально приобрело информационно-дискуссионный характер. Почему произошло это изменение?

— Насколько я знаю из разговоров с коллегами и дирекцией, это произошло под влиянием успеха американских радиостанций «news and talk». В США такой формат был очень востребован — хотя бы потому, что американцы много времени проводят в пути, когда едут на работу, и предпочитают разговорное радио, которое вызывает много эмоций, так как обсуждаются вопросы, важные для каждого. Так должно было быть и у нас.

— Это был прообраз вашего радио? Вы ориентировались непосредственно на эту формулу?

— Думаю, да. С нами даже работал специалист по «news and talk», который обучал всю нашу команду, «настраивал» это всё, давал указания ведущим, говорил, как они должны руководить этим шоу, потому что передачи действительно должны были иметь форму и характер шоу. Надо было привлечь слушателя эмоциями и накалом дискуссий.

— Перемена оказалась очень серьезной и успешной?

— Да, мы стали тогда известны. Точно не помню, какой тогда был рейтинг, но в определенных кругах, и не только в Варшаве, это была в то время очень популярная радиостанция. Так что новая форма определенно себя оправдала.

— Что было импульсом к созданию такого радио? Ниша на рынке СМИ или необходимость нового способа подачи информации?

— Откровенно говоря, не помню. Наверное, и то, и другое. Об этом лучше спросить создателей радиостанции, а особенно тогдашних директоров Анджея Шозду и Марека Яцкевича. С начала вещания главными акционерами радио были «Политика» и «Агора». Так и остается, хотя доли немного изменились.

— ТОК-ФМ принимают в 10 крупных городах Польши. К каким общественным группам вы преимущественно обращаетесь?

— Скажу так: наши слушатели — это образованные люди, в статистике это фиксируется как «люди высокого профессионального уровня». Как вы отметили, наша лицензия предусматривает вещание преимущественно в больших городах, хотя нас можно слушать и через Интернет. По данным нашей рейтинговой службы, наш слушатель — это прежде всего житель крупного города, со средним или высшим образованием, с доходом свыше 1800 злотых на члена семьи, то есть можно сказать, что это средний класс.

— А по возрасту?

— Большинство наших слушателей — в возрасте от 30 до 40 и от 50 до 60 лет. Довольно большая группа — 40-50 лет. То есть это, безусловно, взрослые слушатели, интересующиеся тем, что делается на свете, со сформированным уже мировоззрением. Мы расширяем спектр программ. Хотим, чтобы наших слушателей становилось все больше.

— Вы планируете вещание на всю Польшу? Я слушаю ваши передачи и знаю, что такая потребность существует. Вам звонят люди с периферии и жалуются, что не могут принимать ваше радио.

— Это вопрос лицензии. Лицензию выдает Всепольский совет по телевидению и радиовещанию. Расширить вещание даже на один или два города — это был бы уже большой успех. Изменить же лицензию, чтобы вещать на всю страну, будет очень трудно.

— С 2005 года ваш основной акционер — «Агора», издатель ведущей ежедневной польской газеты. Не снижает ли это доверия к вам как к информационной радиостанции?

— Ну, всех кто-то финансирует. Нет ни одного медийного проекта, на который деньги падают с неба. И государственные средства раздают политики. Так что если какая-то польская или зарубежная компания выделяет деньги, то за этим что-то

стоит. Вопрос — что? Ответ в каждом случае разный. Акционер каким-то образом представляет себе работу того СМИ, в которое вкладывает деньги, иначе быть не может. Не думаю, что в этом есть что-то подозрительное. Другой ситуации попросту не бывает.

— *Значит, вы выражаете взгляды «Газеты выборчей»?*

— Любая редакция объединяет людей с определенными взглядами. Не думаю, что в «Газету выборчу» придут работать ярые сторонники «Права и справедливости» или крайние консерваторы и откровенно правые. Им такое и в голову не придет. То же и в ТОК-ФМ. В этом смысле мы с «Выборчей» похожи. Это, скажу так, некий общий дух. Мы проводим общие акции, тесно сотрудничаем. Многие журналисты «Выборчей» участвуют в наших программах. Если же вы имели в виду какие-то ограничения и директивы, то их нет.

— *А почему в ваших утренних передачах большинство участников обсуждений — из «Права и справедливости»?*

— Не знаю, почему вы так считаете. Мы разговариваем со всеми. Очень часто в «Утре с радио ТОК-ФМ» бывают люди из правительства. В программе «После девяти» Мартина Грачика — «для равновесия» много представителей оппозиции, не только из Пис, но и из Союза демократических левых сил. Если говорить о ведущих, то единственная консервативная (можно ее так охарактеризовать) утренняя программа — это передача Игоря Янке. Вот и всё. Мы приглашаем прежде всего собеседников, готовых к публичной дискуссии, и это самое важное. И важно, чтобы выражались разные позиции. Мы ведь не можем разговаривать сами с собой. То есть можем, но это не имело бы никакого смысла. Очень часто можно слышать упреки, что некоторые СМИ кого-то приглашают чаще, а кого-то «не замечают». Но нередко случается, что политики сами отказываются приходить на некоторые каналы, например на ТВН.

— *А на ТОК-ФМ так бывает?*

— Скорее, нет. Иногда кто-то откажется. Возможно, времени нет. Возможно, нас не любит. Но это единичные случаи. Бойкота никогда не было. Вот что интересно. Некоторым нашим слушателям, независимо от их взглядов, кажется, что мы приглашаем больше противников. Например, кто-то с либеральными взглядами говорит: «Почему столько этих, из Пис?» А более консервативный слушатель заявляет: «У вас одни либералы и левые». Я думаю, что каждый испытывает

определенный дефицит солидарности со своими суждениями, со своим взглядом на мир. В этом причина. Но мне кажется, что мы удерживаем некое равновесие.

— А какой взгляд вы пропагандируете, когда идет речь о политике Польши по отношению к России? Россия — «несчастливая бесприданница» или держава с имперскими поползновениями?

— Мы никакого взгляда не пропагандируем. Мы приглашаем экспертов из разных организаций и иностранных корреспондентов. Среди них, например, Владимир Кирьянов из варшавского «Русского курьера», который представляет довольно специфическую позицию. Мне кажется, что мы достаточно уравновешенны, то есть очень редко бывает, чтобы кто-то из гостей демонстрировал крайние взгляды по отношению к России. Хотя высказываются и довольно резкие суждения. Но мы не ведем никакой внешней политики. Мы всего лишь проводим дискуссию, но именно дискуссию, в которой могут иметь место самые разные мнения. У меня вообще нет впечатления, что какое-либо из польских СМИ пропагандирует некий взгляд на Россию. Это дело политиков, т.е. они какой-то взгляд демонстрируют.

— Опросы показывают, что слушатели ценят ТОК-ФМ прежде всего за оперативность информации. Но также, что необычно и удивительно для информационного вещания, в выборе вашей радиостанции решающую роль у слушателей играет «аффективный элемент», т.е. эмоции.

— Ну, это не удивительно, поскольку информация перемежается у нас живым словом — публицистикой, дискуссией. А дискуссия всегда эмоциональна, если есть разные точки зрения. В этом всё дело. Думаю, что в политике, общественной жизни и вообще в жизни нас всегда сопровождают эмоции. Это значит, что наше радио живое и отражает реальные проблемы, которые обсуждают люди у себя дома, на работе, на улице.

— Возможно, в этом случае центр тяжести приходится не на информацию, а на дискуссию?

— Информация — это, конечно, трамплин. Мы передаем новости каждые 20 минут. На этой базе все строится. Темы для дискуссии не берутся с потолка. Они всегда завязаны на том, что происходит в Польше и в мире. Конечно, поздно вечером можно послушать джаз и несколько отойти от глобальных проблем. Однако основа всего и «главное блюдо» — это

события, а хорошо проведенный разговор покажет прежде всего, насколько они нас затрагивают.

— *Спектр ваших программ весьма широк для информационного радио. Передачи о музыке, кулинарии, культуре, о религиях...*

— Наше радио не исключительно информационное. Мы называемся информационно-публицистической радиостанцией, но такое название не слишком нас ограничивает. Оно лишь ориентир. Название в большей мере отражает то, что идет в эфир. Но прежде всего это личностное радио. Всё, что у нас появляется, вырастает из интересов всех ведущих и всех, кто здесь работает. А также из широкого кругозора главного редактора. Тематика наших передач формируется не вычислениями. Мы придерживаемся открытого взгляда на мир. Мы, скажу без ложной скромности, разумные люди и интересуемся всем, что несет с собою жизнь. Не только политикой, но и общественными делами. Импульс идет от наших индивидуальностей. Программы охватывают широчайший спектр жизни, т.е. и культуру, и бизнес, и автомобили, и самые разные интересы. Я, например, недавно начала цикл «Внутренняя жизнь», посвященный психологии. Если у кого-то из нас возникает новый замысел, увлечение, которое хочется реализовать, это всегда приветствуется с энтузиазмом. Важно, чтобы предложение было интересным и удачно воплощенным. «Информационно-публицистический» формат нас ничем не ограничивает. Хотя, конечно, существуют пропорции: прежде всего объективная, полная и профессионально поданная информация, а также публицистика.

— *Добавила бы еще и просвещение. Интересно, что на ТОК-ФМ идет первая в Польше передача о половом просвещении, а также единственная, наверное, в Польше программа, дающая возможность высказаться феминисткам и сексуальным меньшинствам. В вашем эфире прошли первые публичные каминг-ауты. Это нашло очень широкий публичный отклик.*

— Да, можно сказать, что это было впервые. Но, с моей точки зрения, здесь нет ничего необычного. Если иметь в виду нашу общеевропейскую перспективу, то мы должны отдавать себе отчет, что как государство, в котором, во-первых, имеется гражданское неравенство по сексуальной ориентации и которое, во-вторых, делает из нее серьезную культурную или общественную проблему, мы в Западной Европе в абсолютном меньшинстве. Достаточно поехать на поезде в Чехию, полететь в Берлин или куда бы то ни было еще. Сорок минут или час. Там существуют партнерские союзы, имеют какие-то права

родители-гомосексуалисты. Никто ни на кого не показывает пальцем и не устраивает бешеных проблем. Конечно, существуют разные взгляды, разные мировоззренческие подходы к этой тематике. Но там нет такой взвинченности, такой ненависти. Мы считаем, что у нас положение ненормальное.

— *ТОК-ФМ удалось несколько разрядить эту атмосферу?*

— Мне кажется, ситуация во многих отношениях никак не меняется. Мы были первыми. И стремились не к сенсационности, а к тому, чтобы в СМИ сложился нормальный подход к этой теме. Мы затрагиваем важные для этой группы вопросы как совершенно нормальные, и оказывается, что люди, которые нам звонят, не видят никакой проблемы. Их это не шокирует, не поражает (смеется). Поэтому, откровенно говоря, я думаю, что это искусственно раздуваемая проблема.

— *Однако это несколько изменило восприятие вашей радиостанции. Можно иногда услышать, что ТОК-ФМ — это рупор взглядов сексуальных меньшинств.*

— Главный выразитель таких упреков — газета «Жечпосполита». Вскоре после каминг-аута Якуба Янишевского в нашем эфире они напечатали статью, где утверждалось, что он не должен был этого делать. Речь тогда шла о конкретном событии. В один из варшавских лицеев не пустили Роберта Бедроня, председателя Движения против гомофобии, на ранее назначенную встречу с учащимися, так как была Страстная среда. Директор школы во время разговора в эфире сказал, что в этот день геям, т.е. Роберту Бедрону как гею, нет входа в школу. Куба Янишевский спросил тогда: «Возможно, в таком случае я тоже не должен сегодня работать, поскольку я гей?..» Но это было очень грубо включено в комментарий всей ситуации. Мол, не пришел на работу и сказал, потому что такое настроение: «Я гей». Всегда, когда говорят о ком-то, кого не знают, мы слышим «эти гадкие геи» и «эти ужасные лесбиянки», но обычно никто или почти никто не отдает себе отчет, что и выступающий по радио или телевидению может быть этим геєм или этой лесбиянкой. Это был прорыв: мы показали, что такие люди есть и в СМИ и, возможно, лучше бы говорить об этом корректно — с какой позиции комментируются определенные вопросы или кто есть кто. Это совершенно не носило характера провокации с целью придать известность радиостанции.

— *А не давит, что вас считают пропагандистами таких взглядов?*

— Не думаю. Откровенно говоря, мы не обсуждали между собой в редакции, кто как себя в связи с этим ощущает. Этому не придается ранг «особой важности», как и всем другим темам. Мы не спорим ни о чем без необходимости. Война в Ираке, стихийное бедствие или чрезвычайные политические события — вот вопросы, которые обсуждаются на редколлегии: то есть как представить, как часто давать в информационном блоке или в комментариях. Но это вовсе не та тема. Для нас она нормальная. Когда я писала книгу, то решила, что там совершу каминг-аут. Я не сделала этого в эфире, хотя понятно (поскольку я автор книги и одновременно журналист ТОК-ФМ), что это было каким-то образом связано с моим публичным каминг-аутом. И не столкнулась ни с каким остракизмом. Наоборот. Я печатаюсь в той же «Жечпосполитой», хотя, например, редактор Томаш Терликовский считает, что ни я, ни Янишевский не должны были делать каминг-аут. Но это не мешает мне печатать в этой газете различные тексты, и не только о сексуальных меньшинствах.

— Но ведь вы патронируете и поддерживаете разные акции такого типа — например, «Манифы»^[1].

— Мы патронируем огромное число самых разных акций, которые, по нашему мнению, имеют правильную цель. Например, сейчас мы поддерживаем общественную акцию, организованную фондом «Итака» и связанную с поиском погибших. Феминизм и «Манифы» — это, по моему убеждению, то же самое. Они отличаются лишь отношением. К ним поляки относятся, по данным опросов, как к чему-то чрезвычайному. У нас и у наших слушателей (а это более образованные, хорошо зарабатывающие люди, в известной мере относящиеся к интеллектуальной и деловой элите) это не вызывает таких эмоций. Это и в самом деле другие люди, чем те, у кого экономические трудности, недостаточное образование, кто не интересуется культурой или никогда не бывал за границей. Это попросту разные миры. В СМИ нельзя универсализировать, создать типовую модель того, что приемлемо для конкретной аудитории, и того, что шокирует. У разных СМИ разная аудитория. То, что может шокировать или кажется нормальным на радио «Мария», — это совсем не то, что может шокировать у нас. Думаю, прямо противоположное (смеется). Некоторые вещи, которые бывают в их передачах, шокируют, возможно, даже большинство поляков...

— Однако слышатся упреки, что не все события вы трактуете одинаково. И немного в вашем эфире можно услышать, например, о Папских днях.

— Возможно. Не знаю. Откровенно говоря, я не обращала на это внимания. А о политике радиостанции в целом мне трудно говорить. Сама я агностик и в своей программе определенно не говорю о Папских днях, считая, что светской Польши и так маловато. Права или чувства людей нерелигиозных очень часто ущемляются. Их чувства не принимаются в расчет. В связи с этим я вообще не занимаюсь вопросами религии, так как с моей — назовем ее универсальной — точки зрения они не представляют собой чего-то особо важного. У нас у каждого ведущего много свободы. Он не должен быть лояльным по отношению к общему «имиджу» радио. Думаю, что если придет кто-то с консервативными взглядами и каким-то чрезвычайно интересным предложением, которое вписывается в цивилизованные рамки и общую культуру, это может найти себе место. У нас никто не обязан высказываться «по поводу», и не только о Папских днях. О чем говорить, решает руководитель программы. Я имею в виду публицистику, потому что в информационных блоках есть место и для Папских дней, и для «Манифы». Информлируем обо всем.

— *А как с упреками, что журналисты ТОК-ФМ агрессивны и субъективны? Откуда такое мнение?*

— Не знаю. Я считаю, что мы разные. Я не считаю себя агрессивной, но все же дотошной. Конечно, это не вписывается в стереотипный образ милой дамы, которая знает свое место в очереди и будет, не перебивая, вежливо дожидаться, пока кто-то окончит предложение. Это живой эфир, на такое нет времени. Однако не думаю, что все наши журналисты и ведущие одинаково держат себя в эфире. У каждого свой темперамент. Наверное, есть какой-то стереотип. Не знаю, кто его создает, но если говорят, что все у нас такие, то и это стереотип, безусловно (смеется).

— *Возможно, это желание провоцировать?*

— Мы над этим не задумываемся. Провокаций не планируем. Мы задумываем и создаем радио в соответствии с нашим пониманием и определенными представлениями о добросовестности. Должна быть информация, ее контекст, но также и субъективное мнение, чем, собственно, и является публицистика. Человек — это сумма субъективных мнений и взглядов. А разнородность есть: среди наших ведущих — либеральные, левые, консервативные.

— *В последний понедельник состоялась премьера первого спектакля Театра радио ТОК-ФМ. Я слушала спектакль и потрясена высоким уровнем. Это поразительный замысел.*

— Особенно для частной радиостанции. Этот проект разработал художественный руководитель театра Миколай Лизут. И, как у нас бывает, кто-то вынашивает свою мечту некоторое время, она приобретает формы, а затем следует конкретное предложение. В данном случае Эва Ванат, наш главный редактор, у которой многое в жизни связано с театром, очень увлеклась этим замыслом и убедила продюсера. Оказалось, что потребность в таком театре огромна. Многочисленные отзывы слушателей говорят, что театра в радиоэфире мало, а ведь казалось, что это «исчезающий вид».

— Это должно стать продолжением традиций Театра Польского радио или, скорее, его противоположностью?

— Мы не обязаны ни с кем себя сравнивать. Просто хотим делать у себя радиотеатр. Мы никак не связаны с Театром Польского радио и не собираемся с ним соревноваться.

— Какие тексты вы планируете инсценировать?

— Насколько я знаю, это главным образом современная драматургия. Не могу сейчас называть наперед то, что будет, но всё это очень интересно. Высокий художественный уровень, прекрасные актеры и режиссеры. Каждый понедельник после восьми вечера будет очередная премьера. Это, конечно, еще через несколько месяцев, но я думаю, что всё получится.

— Вы планируете какие-то провокационные тексты?

— Провокационные? Давайте будем слушать.

— Несмотря на многочисленные упреки в субъективности, радио ТОК-ФМ трижды выдвигалось на премию Дариуша Фикуса, присуждаемую за журналистскую добросовестность, правдивость и независимость.

— Да. И это о чем-то говорит. Это очень важная премия, и мы все рады, что нас столько раз выдвигали. Наверное, это подтверждает, что мы сохраняем некое равновесие.

— Вы достигли безусловного успеха. В чем же секрет информационного радио?

— Как я уже говорила, успехом, думаю, мы обязаны тому, что это радио настоящих личностей. Прежде всего, такая личность — Эва Ванат, главный редактор. Такие личности — несомненно, ведущие «Утра с радио ТОК-ФМ» и их гости. У нас прекрасные репортеры и новостные редакторы. Думаю, что у меня, Кубы Янишевского или Миколая Лизута получаются

небесцветные программы. На нашем радио всегда «жарко». Это радио интересных людей, которые придерживаются журналистских стандартов, и это дает эффект.

— *А как вы думаете, почему у ТОК-ФМ нет конкурентов в эфире?*

— Откровенно говоря, я не заинтересована, чтобы они были, но слишком над этим не задумываюсь (смеется), хотя, конечно, разнообразие, в том числе в СМИ, — это приятно. Но мы больше сосредоточены на себе и на том, чтобы делать свое дело как можно лучше.

— *У вас удобное положение...*

— Не знаю, почему нет похожих радиостанций. Частные вещатели, видимо, не верят, что можно заработать на таком некоммерческом деле. Наверное, нельзя, но это не значит, что будут убытки. У нас все больше слушателей и все больше рекламы, т.е. наша популярность растет. Но здесь все не так просто. Государственное радио уже имело такой замысел, но не вышло, хотя об этом многократно говорилось. Не думаю, что это вопрос денег. Во всяком случае, у нас так не было, потому что акционеры, можно сказать, рискнули, сразу создавая информационную радиостанцию. Так что это, скорее, вопрос видения, умелого подбора команды и уверенности в том, чего ты хочешь.

— *А планы на будущее? Театр уже есть, теперь, может быть, камерный оркестр?*

— Не имею представления, но думаю, что, конечно же, кто-то из нас вскоре что-то новое придумает. Это мы гарантируем нашим слушателям. Как в банке! Хотя во время финансового кризиса это звучит уже не так, как когда-то (смеется).

Беседу вела Агнешка Устинская

Анна Лашук — публицист, писатель, один из самых активных журналистов радиостанции ТОК-ФМ. Ведет в прямом эфире ежедневную программу «Комментарии», а также цикл «Внутренняя жизнь», посвященный психологии. Автор изданной в 2007 г. книги «Девушки, выходите из шкафа», в которой собраны ее беседы с польскими лесбиянками.

---

1. «Манифа» — ежегодная феминистическая демонстрация,

организуемая в Варшаве неформальным объединением
«Альянс женщин 8 Марта».

ЛУЧШАЯ РОССИЯ

Эпиграфом к этой книге послужили слова Рышарда Капустинского: «Россия была, есть и будет. Была, есть и будет великой — в хорошем и плохом». Иногда полезно бывает прочесть о чём-то хорошем — плохое и так доходит до нас почти ежедневно.

Они встретились в студенческие годы в сталинском Ленинграде, приехав туда учиться. Он приехал в Россию из Франции, она — из разрушенной Польши, уже пройдя весь ужас пребывания в варшавском гетто; затем она скрывалась в занятой немцами Варшаве и подростком видела своими глазами Варшавское восстание. Их объединили общие интересы, трудности повседневной жизни, но прежде всего любовь. Любовь друг к другу и к стране, с культурой которой они начинали знакомиться.

Это вовсе не пересказ мелодрамы на фоне реалий послевоенной Европы, где начиналась холодная война, — это знакомство с книгой супружеской пары, прекрасных знатоков России Виктории и Рене Сливовских. Она — историк, занимается, в частности, историей ссыльных поляков в Сибири («Новая Польша» обязана Виктории Сливовской замечательной публикацией отрывков из дневника Сократа Старынкевича в №10 за 2004 г. — Ред.), он — литературовед, переводчик, популяризатор произведений русских писателей, знаток творчества Чехова и русской поэзии рубежа XIX–XX веков.

Оба они профессора, связанные с Варшавским университетом и Институтом истории Польской Академии наук. Сегодня, будучи уже в очень солидном возрасте, они пишут о своих встречах с Россией, о людях, с которыми там познакомились, о том, что там видели в разные годы и в разных местах, о кулисах функционирования пээнэровской русистики и о некоторых аспектах «польско-советской дружбы», не для каждого сегодня очевидных. О том, что наряду с официальной скукой и штампами эта дружба действительно существовала, благодаря сотням самых обычных людей, поддерживавших дружеские контакты, благодаря общим научным, семейным, профессиональным интересам.

Можно назвать эту книгу исповедью. Для меня это скорее документальный репортаж в форме воспоминаний, чем некое подведение итогов. Возможно, немного сентиментальный,

немного забавный, иногда трудно воспринимаемый теми, кто рос в условиях свободы. Эта книга наверняка затрагивает важные аспекты, помогающие понять послевоенные отношения между поляками и русскими, а также напряженность сегодняшнего дня. Ибо сегодняшнее неприятие России поляками, страх перед ней, недоверие к ней — это, в частности, несомненный результат «принуждения к дружбе», которое культивировалось почти столетия. Однако сегодня можно на некоторые проблемы взглянуть несколько отстраненно, хоть и не до конца это удаётся.

Сливовские приступили к своей книге — во всяком случае начали работать над ней — во времена, когда страну возглавила партия «Право и справедливость», и признаваться тогда в контактах с Россией было немодно — это грозило навешиванием ярлыка агента разведки, «пятой колонны». Поэтому Сливовские предпослали своей книге предисловие, в котором говорится: «Наступило время, когда прежние энтузиасты стыдятся признаться и скрывают, где учились, даже в том случае, когда их учителями были всемирно известные дирижеры и композиторы».

Волна примитивной русофобии всегда может вернуться, но Сливовские не пытаются скрывать, что левые традиции в их семьях существовали. Он, например, не стыдится того, что его отец состоял, правда недолго, в компартии и после репатриации из Франции работал в воеводском комитете в Белостоке. Она пишет о левых традициях в своей семье, о Польской социалистической парити, о своём интересе к социализму еще в лицейские годы, о чтении Маркса и Каутского.

Тем интереснее выглядит столкновение этих двух людей, выходцев из польских интеллигентских семей, отличавшихся левыми взглядами, с Ленинградом сталинских времен, где проходила их студенческая жизнь в конце 1940 х.

Иллюзии, если таковые еще были, развеялись довольно скоро. Уже первые партийные собрания в вузе сразу показали, что действительность имеет мало общего с идеалами коммунизма. Царят доносы, поклёпы, всевозможные инсинуации, карьеризм. Сливовские — тогда они ещё не были супругами — не приняли таких правил игры. Они скорее наблюдали и делали выводы, хотя и не пытались выступать с резким протестом. На протяжении нескольких лет учебы оба они прошли колоссальную школу жизни и, в отличие от части своих коллег, выбрали порядочность вместо карьеры или хотя бы нейтралитет. Впрочем, фортуна — дама изменчивая, в чем

могли убедиться некоторые описанные в книге Сливовских карьеристы, когда из-за одного опрометчивого жеста или слова рушилась их карьера, как это случилось с одним их польским коллегой, исключенным из университета, ибо он забыл, куда спрятал купленный на членские взносы аккордеон. И даже его революционный энтузиазм не помог.

Годы после учебы — это непрестанные возвращения Сливовских в СССР, новые знакомства и дружбы, знаменитые разговоры «на кухнях», где можно было себе позволить свободу высказывания, научные и частные контакты. Им удалось также не утратить контактов с близкой Рене ещё со времен его детства Францией. Так и переплетаются нити польской истории, а Франция и Россия часто идут в них рука об руку. Так было и у скончавшегося недавно бывшего министра иностранных дел Стефана Меллера, так было и у Сливовских.

Кого встретили в России Сливовские? Писателей, ученых, цвет русской интеллигенции. Сливовским повезло, они познакомились с замечательными русскими людьми, которые были гораздо лучше, чем просто среднестатистические личности. Благодаря им они могли почти не замечать, что представляет из себя СССР как государство.

Таких знакомств и возможности увидеть такую Россию, пожалуй, стоило бы пожелать каждому поляку. Книга Сливовских словно призывает к тому, чтобы независимо от того, кто и как правит в Кремле, не отдаляться совсем от России и уж тем более не отдаляться от русских и их культуры.

Виктория и Рене Сливовские. Россия, наша любовь. Варшава: «Искры», 2008. — На польск. яз.

ИОАХИМ ЛЕЛЕВЕЛЬ И ИВАН ЛОБОЙКО

Парадоксально, но первое из этих двух имен — поляка — русскому читателю нередко знакомо хотя бы понаслышке. Второе же — русского профессора Виленского университета в 1820-е годы Ивана Николаевича Лобойко — известно только узкому кругу специалистов. Рецензируемая книга, ничуть не теряя в своей научности, представляет это малоизвестное лицо не одним только ученым читателям — его впервые публикуемыми воспоминаниями (фрагменты их когда-то печатались в польском переводе) и письмами к Лелевелю. Впрочем, и Иоахим Лелевель поворачивается к нам неизвестным документом: впервые в русский обиход введена его записка о процессе филоматов «Новосильцов в Вильне»

«Состав книги далеко не случаен, — пишет Александр Федута во вступительной статье, названной «Один из узлов нашей общей истории». — Мы попытались предоставить читателю возможность посмотреть на события 1823–1824 годов глазами их современников и участников. (...) Умный поляк и умный русский, люди честные и порядочные, Лелевель и Лобойко оставили потомкам свидетельства случившейся трагедии». К этому Федута прибавляет: «По случайности, даже мемориальные доски в честь обоих ученых, расположенные во внутреннем дворе современного Вильнюсского университета, находятся рядом, отчего совпадение дат жизни — оба родились в 1786 и умерли в 1861 году — кажется просто фантастическим».

Трагедия в общих чертах известна каждому, кто интересовался тем, как и почему Адам Мицкевич попал в Россию. Но Лелевель не случайно поначалу собирался назвать свою записку «Война с детьми» — первыми репрессированными «бунтовщиками» были не собственно филоматы, студенты и выпускники Виленского университета, а гимназисты, арестованные в мае 1823 г. (за несколько слов на классной доске о польской конституции 3 мая) и через два месяца отданные в солдаты. Затем начались аресты участников всяческих «кружков и сходок»: тайного, а заодно и официально существовавшего общества в Свислочской гимназии; «Лучистых» — легального общества виленского юношества и составлявших его часть

тайных союзов филаретов и филоматов; школьников, распространивших листовки в Кейданах и Поневеже... Отдали в солдаты шестерых школьников из Крож, создавших «Общество Черных Братьев». К концу года было арестовано более 70 человек, «в следующие месяцы, — пишет Лелевель, — и до самого конца следствия число это сохранилось, несколько увеличившись» (Лобойко, говоря о числе арестованных, указывает «до 100 человек»). Кстати, при перечислении различных гонений у Лелевеля встречается имя профессора Лобойко:

«Прелат Шантыр, ненавидящий кальвинистскую школу в Слуцке, обвинил ее в том, что ее администрация покровительствует тайному обществу учащихся. Ректор университета повел себя активно и смело, направив туда с проверкой профессора литературы Лобойко, выяснившего, что это были только учебные занятия, проводимые учителями сверх предписанных уроков. Преподавателям было предложено ограничить свое педагогическое усердие, и школа уцелела».

Сам Лобойко рассказывает в своих воспоминаниях о «первой напасти» в Виленском университете, еще в 1822 г., когда у большого числа студентов были отобраны бумаги и попечитель университета князь Адам Чарторыйский назначил следственную комиссию, в которую входил и автор воспоминаний. Тогда всё кончилось благополучно, не в последнюю очередь благодаря разумности членов комиссии, добросовестно изучивших изъятые материалы, включая устав филаретов, и не нашедшие в них оснований для преследования. Но это было до Новосильцова...

Когда Лобойко получил предложение принять участие в новой следственной комиссии, где его намеревались «употребить (...) для разбора бумаг, отобранных у содержащихся под арестом», — он «уклонился от сей чести»:

«Я не имел ни малейшего убеждения в справедливости этого следствия. Я подозревал в нем тайные и своекорыстные виды. (...) Другая причина, которая заставляла меня жертвовать моими личными выгодами, было самое откровенное обращение со мною поляков, начиная от князя Чарторижского и патриота Яна Снядецкого (...). Целый год уже преподавал я спокойно многочисленным слушателям русский язык, литературу и знакомил их с Россией (...). Я не встречал в поляках ни малейшего сопротивления и твердо был уверен, что на сем пути успею содействовать к примирению обоих народов. Став на сторону Новосильцова, я потерял бы всё доверие ко мне

поляков, и тогда все мои усилия остались бы навсегда тщетными».

Более того, когда при сравнительно мягком приговоре по делу студентов из университета были изгнаны несколько профессоров, в том числе и Лелевель, Лобойко, находившийся в тот момент в Петербурге, пошел защищать их к министру народного просвещения Шишкову, руководствуясь не только возмущением перед лицом несправедливости и не только дружескими чувствами, но еще и солидарностью, присущей братству ученых-гуманитариев:

«Если бы я предвидел поражение невинно исключенных из университета виленских профессоров, я непременно предварил бы Шишкова принять их сторону и действовать в их защиту: но я был в тех мыслях, что следствие Новосильцова касалось только одних студентов (...). Но дело кончено, и поправить его было невозможно. Я вознамерился по крайней мере представить министру скоропоспешность, необдуманность и несправедливость этого приговора. (...) Министр, выслушав меня терпеливо, дал точно такой ответ, какого я ожидал: „Я всему этому, что вы говорите, верю. Но что мне было делать против двух сильных противников; я в следствии не участвовал. При допросе был один Новосильцов; его мнение поддерживал Аракчеев. Мог ли я им противоречить?“ После этого силился я доказать министру, сколько теряют любимые его науки от этого изгнания и что все мои надежды на то, что я мог бы сделать в союзе с Лелевелем, Даниловичем и Бобровским для русской филологии, древней русской и славянской словесности, — рушились».

Далее Лобойко долго и подробно перечислял Шишкову научные заслуги изгнанных профессоров. «Министр не скучал моею беседою и заключил ее сими словами: „Даниловичу я дам место в Харьковском университете, но прочим помочь не могу“».

«После сих услуг, оказанных государству, — с тихой иронией начинает Иван Николаевич следующую главку своих воспоминаний, — Новосильцов стал еще выше в мнении Государя».

А самая последняя главка воспоминаний И.Н.Лобойко называется «Вольное общество любителей российской словесности в Петербурге в 1824 году перед его кончиной». Рассказывая о своей последней встрече с Рылеевым, тоже членом общества, в августе 1824 г., Лобойко пишет, что он «в обращении с нами был скромен; в разговорах никогда не горячился; никогда не намека ни о политике, ни о

преобразованиях и, декламируя свои стихи, кажется, забывал всё на свете».

«Кто бы подумал, — восклицает затем Лобойко (может быть, вполне — или почти — искренне), — что этот человек тогда уже питал в глубине души своей преступные чувствования и спустя почти год стал во главе заговора, которому назначил он разразиться на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

Рылеев увлек за собой в погибель из членов Общества российской словесности Александра Бестужева, старшего его брата Николая, капитан-лейтенанта, Вильгельма Кюхельбекера, Александра Корниловича и барона Владимира Штейнгеля. Более сих никто из членов участником в заговоре не был и не навлек на себя и тени подозрения правительства (...). А потому правительство не закрыло Общество, но после открытия возмущения в столице и в армии мысли и чувствования каждого обращены были на опасности, которым подвергались престол и отечество, на судьбу подсудимых, в ожидании приговора (...) и на глубокое уныние, поразившее их семейства, а потому Общество с декабря 1825 года и замолкло».

Похоже, что все-таки особенно глубокими и искренними были у автора «мысли и чувствования», связанные с судьбой подсудимых, и то «уныние», которое поразило не только их семейства, но и значительную часть русского образованного общества.

До польского восстания записки Лобойко не доведены, его переписка с Лелевелем оборвалась в 1828 г., кстати на невеселой ноте: «Литературные мои обязательства и проекты забрасываю. Положение мое в Унив[ерситете] и до сих пор тяжелое. Должен скрываться и остерегаться». Что было в тот момент конкретной причиной тяжелого положения профессора, неизвестно. Известно лишь, что, став выше «в мнении Государя», Новосильцов, как пишет Лелевель, «получил в дар 50 000 серебряных рублей, слонимское староство на все последующие годы и сам был назначен куратором Виленского университета, с тем чтобы довел свое дело до конца». Университет еще до восстания 1830–1831 гг. лишился прав и свобод, дарованных ему Александром I.

Что думал Лобойко о польском восстании (после которого университет, уже разгромленный Новосильцовым, был закрыт) — тоже неизвестно. Но нет сомнения, что писать о Лелевеле то, что написал о Рылееве, Лобойко не стал бы. Может быть, поэтому он и не продолжил свои воспоминания.

Иоахим Лелевель писал свою брошюру в Варшаве во время восстания (первое издание было анонимным). С одной стороны, это сухой исторический труд, с другой, как показывает публикатор, — острый памфлет, вместе с «Дзядами» Мицкевича легший в основу польской легенды о филоматах и их гонителе.

В заключение надо бы отметить, что книга о «перекрестках истории» — сама живой пример «перекрестка», сотрудничества ученых из Минска, Вильнюса и Москвы с опорой на польские, литовские и российские архивы.

Вильна. 1823–1824. Перекрестки памяти: Иоахим Лелевель. Новосильцов в Вильне.; Иван Лобойко. Мои воспоминания. [Приложение: Письма И.Лобойко И.Лелевелю]. [Сост. Александр Федута. Подгот. текстов, публикация, вступит. статьи, комментарии — Павел Лавринiec (Вильнюс), Абрам Рейтблат (Москва), Александр Федута (Минск). Пер. с польского — Максим Иващенко, Дмитрий Матвейчик. Науч. ред. Татьяна Автухович]. Минск: Лимариус, 2008. 242 с., именной указатель.

ЭМИГРАЦИЯ ДУХА

Когда-то главным пристанищем польских мыслителей и художников был Париж.

Теперь это уже в прошлом — с недавнего времени его место занял Берлин.

Ушли в прошлое длинные очереди на пограничных переходах, колонны потрепанных «малюхов» (маленьких польских «Фиатов». — Пер.) с польскими номерами, курсировавших с товарами: колбаса, сыр, водка и сигареты — в одну сторону, дешевые телевизоры, одежда и обувь — в другую. Никто не гонит больше через границу годящиеся только на свалку западные автомобили, восстанавливавшиеся в польских мастерских где-то во дворах, а потом выгодно продававшиеся. Прошло время, когда в Германию ездили исключительно на заработки. Женщины, согласные убирать в лофтах и офисах хорошо зарабатывающих фрилансеров, и мужчины, циклюющие полы и способные быстрее западных коллег уложить плитку и смонтировать кухонную мебель. Первые 15 лет после краха специфического польского социализма отношение поляков к Германии определялось торговлей и работой. Слишком уж велика была разница в уровне жизни у двух соседей, слишком сильно было по восточную сторону Одера желание «наверстать». Привлекали скорые деньги, часто простейший для поляков способ отхватить кусок от западного пирога. Нужно было дешево предложить себя на рынке товаров и услуг — в Германии в то время всё чаще считали деньги, потому что и на Западе не все было гладко: немецкие специалисты становились слишком дорогими, а дешевый бензин и сигареты были для немцев лучшим стимулом для путешествий на восток.

Все эти 15 лет на отношения между поляками и немцами накладывался экономический и политический процесс, разыгрывавшийся у нас на глазах кадр за кадром. Его можно было почти что почувствовать, ощутить на собственной шкуре. Польские базары, дешевые сигареты, преступность, контрабанда машин и проституция. За короткое время легальный и нелегальный экономический обмен, а также политическое безразличие, например в вопросе энергетической политики или изгнанников с бывших немецких территорий, осложнили отношения и укрепили стереотипы, получившие

статус почти обязательных, хотя появились они совсем недавно и вовсе не обязательно должны были укорениться навсегда. Другим фактором польско-немецких отношений была эмиграция. Со времен войны можно выделить несколько этапов польской эмиграции в Германию. Одни оказались в ГДР, другие должны были уехать после событий 1968 г., к ним прибавились беженцы по экономическим мотивам, искавшие лучшей жизни. А во времена «Солидарности» и военного положения появились политически обусловленные выезды. Под конец приехали экспатрианты, поляки немецкого происхождения, которых в Германии привлекала легкая натурализация со всеми ее преимуществами. Эти волны эмиграции наложились на Германию, как плетёнка, и вместо однородного польского меньшинства появилась разрозненная картина. Люди с самыми разными биографиями, семейным положением и мотивами включались и интегрировались в немецкое общество. Возможно, это не была классическая модель эмиграции, однако ее всегда формировали экономические или политические условия.

В последнее время эмиграция приобрела новое качество. Можно даже говорить о некоей смене парадигмы — возможно, это наиболее радикальный переворот в польско-немецких отношениях после II Мировой войны. Имеется в виду эмиграция духа. В Польше идет бурная внутренняя борьба. Общество еще не нашло способ примириться со своим прошлым и настоящим: слишком много ран еще не затянулось, слишком многое еще нужно уладить. После смены строя перед страной вдруг встал вопрос: что дальше? Сорок лет социализма оставили катастрофические следы, а стремительно ворвавшийся капитализм принес новые проблемы. Многие не смогли вписаться, просеялись сквозь социальное сито. Вошедшие в кровь правила социального поведения со дня на день утратили силу, образовался нравственный вакуум. С одной стороны, распоясалась коррупция, с другой — появилось религиозное рвение. Польский микрокосм стал похож на карусель. Всё смешалось.

В это же время радикальный переворот переживал весь мир, но поляки были так сосредоточены на собственных проблемах, что почти не заметили глобальной тенденции. А ведь Польша уже была частью мира, а не герметически закрытым сателлитом за железным занавесом. Когда пришли глобализация и Интернет, когда отошло в прошлое классическое соотношение труда и зарплаты, которым когда-то жила Европа, понадобилось немало времени, чтобы и Польша присоединилась к остальным.

Так что страна переживала состояние двойной трансформации — национальной и глобальной.

Сегодня эти процессы и степень развития стали ясно видны — по крайней мере, появилась возможность оценить положение. Естественным, самым большим «катализатором» перемен стало молодое поколение, которое вошло в общественную жизнь только в последние годы. По ним, молодым полякам, волна новых тенденций развития ударила со всей силой, и именно она формирует сейчас их жизнь и будущее. Они испытывают на себе негативные последствия этого развития, но в то же время благодаря ему они и выигрывают. Перед 20–30 летними поляками стала вдруг дилемма, составляющими которой были, с одной стороны, экономические трудности, нравственное безразличие и сильные семейные связи, с другой — непредвиденные возможности, свободное развитие личности и безграничная мобильность. В силу различных проблем нормальная жизнь в Польше значительно затруднилась. Почти невозможной стала карьера, доступная их родителям, конкуренция усилилась и ужесточилась, а будущее становилось все более шатким. Однако глобализация принесла и некоторые сдвиги, которые на Западе появились задолго до этого. Внезапно личность стала цениться выше, чем когда бы то ни было. В сталинские времена люди были согласны вести ничем не выделяющуюся жизнь, теперь же стала важна собственная индивидуальность. Нужно было усвоить новые умения и качества. Хорошее сообщение с городом и семья потеряли значение. Планирование жизни дальше, чем на пять лет вперед, оказалось вдруг невозможным, зато перед человеком открывался весь мир. С этого времени основное влияние на повседневную жизнь оказывали средства сообщения и мобильность.

В такой ситуации инакомыслящие, субкультуры и меньшинства получают особый статус. Изгои общества традиционно более чувствительны к новым явлениям, они иначе реагируют, иначе себя ведут и, возможно, становятся авангардом некоего процесса, первопроходцами нового этапа не только в польско-немецких, но и в европейских и даже в глобальных отношениях. Этой социальной группе пришлось в последние годы нелегко. В трансформирующемся государстве росло ощущение духоты, ограниченности общества, недоверия по отношению к другому. Это характерно для молодых демократий, которые еще не вполне развились и не смогли создать собственную систему амортизации. Тем сильнее переживают всё это инакомыслящие. Поэтому они стали искать новые возможности, места, где они могли бы жить по

собственным представлениям. Любопытно, что важную роль в этом процессе сыграл Берлин. Это счастливое стечение обстоятельств, а может, даже символ примирения и своего рода гуманности. Берлин, столица Третьего Рейха, место, где родился план нападения на Польшу и превращения поляков в народ рабов, несколько десятков лет спустя стал местом, где инакомыслящие поляки почувствовали, что их понимают, где они смогли жить собственной жизнью так, как сами того желали. Берлин стал для них местом духовного становления.

Когда-то главным пристанищем польских мыслителей и художников был Париж. Туда отправились Роман Полянский и Кшиштоф Кеслёвский, там же редактор и издатель Ежи Гедройц благодаря своим публикациям высоко держал знамя свободной Польши. Но теперь это уже в прошлом — с недавнего времени место этого исторического прибежища занял Берлин, город, который и сам переживает процесс интенсивной трансформации, в котором слились Запад и Восток, город с экономическими проблемами, но в культурном смысле ставший важнейшим организмом Европы. То, что возможно в Берлине, трудно повторить в другом мегаполисе — разнородность, богатая культурная жизнь, низкие расходы на проживание и свободная атмосфера. Никакого сравнения с такими нервными столицами, как Лондон или Нью-Йорк. Впрочем, Берлин таков лишь потому, что таковы люди, которые в нем живут. В том числе и поляки. Художники, мыслители, писатели, гомосексуалисты, музыканты и предприимчивые люди открыли для себя этот город как духовное прибежище, увидели в Берлине место, где они могут жить своей жизнью, находясь при этом на расстоянии нескольких часов езды от родины. Впрочем, несущественно, где живешь, намного важнее — как.

Однако еще до того, как всё это случилось, сюда приехали панки. Конечно, в Берлине и раньше жили активные польские мыслители и художники, которые впоследствии формировали поколение местной «Солидарности». Появлялись такие журналы, как «Архипелаг» и «Диалог», кафе вроде «Охотничьего» на Шлезе-штрассе, устраивались выставки, авторские встречи и дискуссии, но эти, хоть и очень важные, процессы катились в Берлине еще по рельсам, проложенным традиционной эмигрантской культурой. Не хватало фактора времени, не хватало мобильности, ну и, конечно, причины переезда были тогда другими.

Предвестниками эмиграции духа были именно панки. Нахальные, запущенные, вонючие, гнездящиеся в занятых ими

домах вместе с собаками. Это была первая значительная в количественном отношении группа, прибывшая в Берлин из Польши из чистого гедонизма. Подвигли их на это не политические или экономические причины (они ведь и в Берлине не планировали обогащаться). Тем, что привлекало их в Берлине, был стиль жизни, какой они могли здесь вести. Даже если он сводился к наркотикам, нищете, холоду и алкоголю. Бедой польских панков было, возможно, то, что они не смогли организовать по примеру альтернативных берлинцев из западной части города и после долгого хождения по учреждениям легализовать свой стиль жизни в форме социализирующих проектов и т.п.

Однако фундамент был заложен — Берлин открылся перед поляками как дружественное жизненное пространство, в котором можно себя реализовать. Символом этого было открытие Клуба польских неудачников, проект столь же ироничный, сколь и значительный, призванный нанести «иных поляков» на ментальную карту Берлина. Это было посольство и польский культурный центр в одном флаконе, где на концертах и встречах с польскими артистами можно было выпить польского пива. Это место стало первым адресом для новоприбывших, здесь можно было завязать знакомства, отсюда сделать первые шаги в новый большой город.

Вскоре к этому прибавились галереи, кинопроекты и рестораны, открытые молодыми поляками. Основу составляли студенты, которые могли перевестись в один из берлинских университетов и жить в Берлине. Действительно ли они здесь учились — это уже другой вопрос. Приехали писатели, чтобы тут работать. Одно из самых удивительных явлений — владельцы ресторанов из Варшавы, которые появились в Берлине, чтобы открывать тут под тем же названием филиалы своих процветающих варшавских заведений, нацеленных на клиентов из определенной среды. Неожиданно на Берлин стали смотреть как на инвестицию в области субкультур! Первым такого рода проектом стало «Между нами», смесь клуба, галереи и первоклассного ресторана, где подавались блюда современной польской кухни. Потом появилась «Карма» (по-польски, как и по-русски, «карма», но в то же время еще и «корм». — Пер.), тоже многофункциональное место, где наряду с отличным кофе выставлялись работы польских художников. В польских мегаполисах на Берлин смотрели почти как на еще один польский город, дальше всего выдвинутый на запад, — альтернативу Варшаве или Кракову. После вступления Польши в ЕС границы совсем стерлись, и жить или не жить в Берлине было вопросом желания, а не бюрократических препятствий.

Гомосексуалисты, обреченные в Польше на враждебную атмосферу, могли пользоваться берлинской терпимостью, а художники и кураторы — работать над своими проектами. При этом неважно было, приезжали они в Берлин на два месяца или на два года, а может, постоянно курсировали между двумя странами, работая здесь и одновременно заканчивая учебу в Польше. Решение уже не нужно было принимать раз на всю жизнь. Оно касалось только какого-то отрезка — кто же сегодня планирует далеко вперед?

Так постепенно распад восточного блока, смена государственного строя, глобализация и упразднение границ стерли давние предубеждения и раздоры. Появилось новое качество польско-немецкого сосуществования, возникла эмиграция духа. Пока непонятно, каковы будут ее последствия для польского общества, для будущего Польши — слишком уж быстро меняется ситуация в нестабильной польской политической структуре. Но для отдельных людей она будет более чем значительна. Это фирменный знак Европы, о которой говорится в политике претенциозно и часто лишь теоретически. Эмиграция духа, взаимопроникновение идей и двусторонний симбиоз в микрокосме Берлина (да и где бы то ни было) — символ будущего объединенной Европы.

ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКИЙ ЖУРНАЛ «ДИАЛОГ»

О том, что всё не так просто, свидетельствует подзаголовок журнала. В польском варианте он звучит: «Польско-немецкий журнал», в немецком — «Deutsch-polnisches Magazin», то есть «Немецко-польский журнал». Каждое явление из области пограничья видится с двух сторон, причем эта картина никогда не совпадает. Такую разницу перспектив надо принимать во внимание, и редакторы «Диалога» это прекрасно понимают. Тем более что его издатель — Всенемецкий союз немецко-польских обществ.

Издание «Диалога» — инициатива отнюдь не новая. Этот журнал появился двадцать с лишним лет назад, когда Германия еще была разделена. Тогда он выходил в Западной Германии и не касался проблем Германской Демократической Республики, с которой Польская Народная Республика поддерживала пропагандистские «узы дружбы» (как со всеми странами «нашего лагеря»), но в которой и речи не могло быть о создании таких организаций, как Немецко-польские общества. И хотя одним из соредакторов журнала до изменений 1989 г. был публицист варшавской «Политики» Адам Кшеминский, некоторых границ, обусловленных требованиями коммунистической идеологии, на страницах «Диалога» нарушать было нельзя. Сегодня в немецко-польском и польско-немецком диалоге никаких табу, в сущности, уже нет.

Неудивительно, что когда главным редактором стал выросший в Польше, но уже много лет живущий в Берлине (когда-то Западном) политолог и эссеист Базиль Керский, который несколько лет сотрудничал с парижской «Культурой», диапазон тем значительно расширился. Тем более что отношения между немцами (снова живущими в объединенной стране) и поляками вписаны в более широкий контекст, связанный как со вступлением Польши в Евросоюз, так и с необходимостью выработки членами ЕС общего сценария действий по отношению к внешним партнерам. Как раз об этом и идет речь в последнем номере (№82, 2008), в значительной степени посвященном отношениям с соседями, о чем свидетельствует заметка «От редакции».

Керский пишет: «Вступление Польши в Шенгенскую зону повлекло за собой не только отмену контроля на польско-немецкой границе, но и повышенный интерес европейской общественности к странам за восточной границей ЕС. Восточное соседство Польши отличается качеством политической жизни и динамизмом: открытая граница с членом ЕС Литвой и дружественные отношения между Вильнюсом и Варшавой; проблемы с пересечением польской границы у граждан Украины, стратегического партнера Польши на востоке; холодная отстраненность по отношению к режиму Лукашенко; наконец, предпринимаемые польским правительством попытки оживить диалог с путинской Россией. В последние годы наш журнал часто писал о европейской политике соседства, а также о развитии ситуации в России и на Украине. За «оранжевой революцией» 2004 г. последовали три бурных для украинской внутренней политики года. После последних парламентских выборов 2007 г. ситуация в Киеве по-прежнему остается напряженной, но внутренняя политика стала более прозрачной, — а значит, сейчас хороший момент, чтобы оценить процесс украинской демократизации. Немецкий публицист Вольфганг Темплин [один из самых активных и подвергавшихся самым жестоким гонениям оппозиционеров в бывшей ГДР. — Л.Ш.] и украинский журналист Владимир Павлив представляют в этом номере две точки зрения на развитие ситуации на Украине. Темплин подчеркивает общественную динамику молодой демократии, в то время как Павлив выражает глубокое разочарование в «оранжевых» политических лидерах. Впервые мы публикуем эссе и аналитические статьи о Белоруссии, практически неизвестной на западе Европы. Люблинский историк Лукаш Ясина пишет о различных аспектах долгой и богатой истории белорусского народа. Живущий в Минске немецкий политолог Астрид Зам анализирует изменения в системе власти Лукашенко. Минский архитектор и художник Артур Клинов открывает нашу подборку текстов о Востоке размышлениями о духовном пейзаже своего родного города».

Помимо подборки текстов о пограничье Польши, Евросоюза и восточноевропейских стран в журнале, как обычно, есть статьи, посвященные польско-немецким отношениям. Мария Элизабет Роттер пишет об изменении взаимоотношений после смены польского правительства, а Анджей Стах в обширном репортаже анализирует явление польских поселенцев в Восточной Германии: «Несмотря на рост инвестиций в сектор жилищного строительства, в крупных польских агломерациях по-прежнему трудно купить квартиру по разумной цене. Нынешняя цена квадратного метра польской квартиры

превысила максимальные цены во многих немецких городах, а из-за высокой квартплаты многие (прежде всего многодетные) семьи не в состоянии найти себе подходящее и соответствующее их финансовым возможностям жилье. Все больше поляков (в основном молодых) из Щецина и окрестностей считают, что лучший выход из положения — переезд в Германию, особенно в населенные пункты, расположенные недалеко от польско-немецкой границы».

Как видно, опасения, что немцы начнут расселяться на своих бывших землях, появившиеся у некоторых поляков после объединения Германии, оказались напрасными. Более того, это поляки поселяются на землях своих западных соседей — точно так же, как многие немцы находят себе место для жизни в Италии или Испании, что становится в Евросоюзе нормальным явлением.

В культурной части «Диалога» можно прочесть две рецензии на фильм Анджея Вайды «Катынь», а Яцек Бурас пишет о программе Фонда S.Fischer Stiftung, который призван увеличить количество переводов немецкоязычной литературы на польский язык.

ЛЕТОПИСЦЫ И МИСТИКИ

Родом они из деревушек, провинциальных местечек, больших городов, а происхождением — из самых разных кругов. Соседи считают их немного смешными и даже «не такими, как все». Часто это люди больные или увечные, нередко — одинокие. Это непрофессиональные художники-самородки, а творчество их не поддается никаким классификациям и развивается по своему собственному, узкому и совершенно «отдельному» сценарию. Историки и теоретики искусства говорят о живописи наивной, примитивной, «иной» или самородной, подчеркивая с помощью таких эпитетов отсутствие у этих художников академического образования и особую интуитивность такого рода художественной активности. И действительно, своеобразная детская непорочность и наивность, с которой они воспринимают мир, составляет основную черту творчества самоучек, которые чаще всего, не зная обязательных в живописи принципов, «изливают» в своих картинах совершенно искренние эмоции и ощущения, не отфильтрованные через канон. Примитивные? Может быть, и так, но настоящие, подлинные и потому часто столь трогательные.

Возникает вопрос: что заставляет одинокую деревенскую женщину, рядового служащего или шахтера-пенсионера проводить долгие часы за смешиванием красок и составлением разноцветных композиций, почему, несмотря на то что он уже и так слышит чудачком, старый крестьянин вечера напролет выстрегивает всё новые деревянные фигурки святых, зверьков и т.п.? Причин, разумеется, много, и лишь источник один и тот же — индивидуальные ощущения и переживания художников. Александр Яцковский, автор книги «Искусство, называемое наивным», утверждает, что источник непрофессионального творчества — с одной стороны, боль, одиночество и отчаяние, а с другой — великий восторг и особая восприимчивость, которая побуждает человека воплощать красоту в картине или скульптуре. Искусство это может, таким образом, служить приручению бесов или быть жизнеутверждающим, но самое главное в том, что художники-самородки творят исключительно под влиянием внутренних импульсов, а их произведения существуют «вне круга проблематики, тенденций и образцов официального или иного искусства,

характерного для определенной группы или общественного слоя» (Яцковский).

Может ли такое сугубо индивидуальное, личное и «многоплановое» творчество стать чем-то гораздо большим, нежели всего лишь отражением внутренних переживаний художника? Может ли оно отразить в искусстве специфику региона, выразить неповторимость родных мест, стать свидетельством истории? Думается, что несмотря ни на что всё-таки может, а доказательством этому тезису пусть послужит феномен силезских наивных художников — «самобытных» с точки зрения творческой восприимчивости и художественной экспрессии, однако творящих в широком символическом и историческом контексте культурной специфики Силезии.

Эвальд Гавлик, Павел Врубель, Павел Соляж, Эрвин Сувка или Францишек Кужея — этих художников можно назвать «хроникерами малой родины», которые запечатлевают в своих картинах богатство силезских традиций и специфику повседневной, шахтерской жизни. Их наполненные насыщенным цветом картины запечатлели все то многообразие культур, которое складывалось веками, включая верования, обычаи, предрассудки и суеверия, сосуществовавшие со столь суровыми реалиями жизни горняков. Силезский цикл обрядов и семейного уклада, специфическое понимание сакрального, особая система нравственных и житейских принципов, детерминированная тем огромным значением, которое придавалось семье и традициям. Характерная, отчасти народно-бытовая, чувственная религиозность — всё это в красочной ностальгической форме проступает в произведениях силезских примитивистов.

Картины Павла Врубеля, Бронислава Кравчука или Герхарда Урбанека — это прежде всего «сон о мире, которого больше нет», картины онирические, полные фантастических красок и волнистых линий, насыщенные буйной растительностью и детским восторгом. Их Силезия — вовсе не грязная, задымленная и мрачная, она для них символ малого рая, где всё на своем месте. Это творчество, мифологизирующее действительность, облекающее ее важнейшие элементы в форму красочного знака. Силезия, увиденная глазами примитивистов, — это сказка о счастливой жизни. О трудах и праздниках, о любви и семье, о Боге и бесах, о святых покровителях, о водяных и домовых. Ночь на этих картинах — зелено-фиолетовая, рассветы и сумерки пылают алым цветом,

в окнах кирпичных домов загораются желтые огоньки, а маленькие фигурки — это шахтеры, возвращающиеся после работы домой. Присматривает за ними св. Барбара, она в этих местах обладает специфическими чертами: она и покровительница, и защитница, но может принимать и мрачный облик подземной богини... Всё это по-детски невинные и наивные картинки, представляющие мир, в котором повседневность и банальность беспрерывно переплетаются со святостью и метафизикой. Это самая обычная повседневность, погруженная в таинственную, сонную ауру легенды, действительность, приобретшая значение символа.

Творчество силезских примитивистов — это и хроника ежегодных праздников и обрядов, и запечатлённые важнейшие события из жизни семьи и общества, и иллюстрация обычаев и традиций. Массивные фигуры, облаченные в самые лучшие наряды, стоят перед большим кирпичным костелом, огромные белые бусы на шее силезской толстухи приковывают взгляд на фоне окружающих ее темных фигур шахтеров, крестный ход словно переливается золотым и алым, вокруг крутятся собачки, кот сидит на подоконнике одного из домов, молодая пара выходит из костела. И все это происходит в нереальном пространстве сказки, являя собой красочную фабулу легенды о преходящем счастье.

Изображаемый силезскими художниками-самоучками мир, погруженный в символику, почерпнутую из народных преданий и религиозных верований, — это одновременно мир, проникнутый метафизикой, которая у некоторых художников становится мотивом главенствующим, придавая их картинам значение своего рода мистических аллегорий. К наиболее известным силезским художникам-мистикам относится Теофиль Оцепка, один из лидеров общины оккультистов в Янове и основатель яновской группы непрофессиональных художников. Слава этого художника почти равна славе Никифора, хотя его произведения, весьма неровные с художественной точки зрения, ничем не напоминают деликатных, отличающихся изысканным вкусом с точки зрения использования цвета работ криницкого самоучки. Картины Теофиля Оцепки — нечто вроде моралите, зашифрованного в живописной форме послания о состоянии мира и роли человека в нем. Вдохновленный тайным знанием и таинствами оккультизма, простой шахтер пытается посредством своего творчества передать фундаментальную истину: наша действительность, словно говорит он, эта действительность повторяющихся семейно-обрядовых

циклов, эти повседневно перемежающиеся труд и отдых, и само спокойствие нашего мира, — всё это иллюзия. А по сути действительность — это арена непрекращающейся борьбы духов добра и зла. Борьба идет непрерывно — как в сказочных лесных чащах, которые с размахом изображает художник, так и в наших сердцах, а отражением ее служат тот выбор и те решения, которые мы делаем и принимаем ежедневно.

Картины Оцепки увлекают своим сюрреалистическим размахом, многоцветием мощных, насыщенных красок, невероятной фантазией в изображении мистических и сказочных существ. Наивно смешными выглядят его синие и красные драконы, борющиеся на лесной поляне, трогательны ползающие по зеленым джунглям печальноокие полужмеи-полуптицы, недоумение вызывает «Летающая коровка с Сатурна», некое космическое создание с голубой мордой собаки, глазами человека и крыльями, оканчивающимися когтями. В нашем восприятии это выглядит забавно, любопытно, необычно, однако для художника это была не только метафора, но и реальная действительность, замкнутая в форму символа.

Александр Яцковский, которого мы уже цитировали, подчеркивает, что Оцепка, воспитанный на сказках и легендах Силезии, а потом основательно погрузившийся в тайное знание и увлекшийся идеалами розенкрейцеров, свято верил как в водяного и прячущегося в шахтах домового, так и в летающих коров и голубых медведей, населяющих планету Сатурн. Трудно сказать, сколько в этом правды, но здесь, пожалуй, следует сослаться на один из фрагментов книги «Искусство, называемое наивным», так как из него становится ясно, как глубоко творчество Оцепки проникнуто спецификой силезских обычаев и характерных для этого региона верований: «Он верил в Бога и в чудеса, которыми богат горняцкий фольклор. Верил в призраков, появляющихся в шахте, верил дяде, который рассказывал, как однажды он вместе с товарищами поймал маленького водяного (...) Верил, что дух, которого отец увидел в шахте, был предвестником его смерти, случившейся в результате катастрофы. Он воспитывался на сказках и легендах Силезии».

Марта Фидеркевич определяет непрофессиональное искусство Силезии как искусство пограничья, ссылаясь на специфическую для этого региона ситуацию своеобразного культурного горнила, дающего в результате новое качество традиций и обрядов. Действительно, в картинах силезских самоучек эта неповторимость бросается в глаза — как в способе

отражения действительности, так и в выборе мотивов и тем. Творчество силезских примитивистов как бы колеблется, находясь на границе сна и яви, банальности и святости, реализма и демонологии. В каком-то смысле «пограничным» становится и само наивное искусство как таковое, которое развивается по своим собственным канонам, между искусством профессиональным и народным.

ЛИРНИК

Читая трехтомный прозаический цикл «На высокой полонине», я всегда испытывал желание наделить Станислава Винценза званием лирника. А лира отсылала к Гомеру, о котором он писал: «Перефразируя слова польского поэта, мы можем сказать о Гомере, что он страдал за оба враждовавших народа, в войне которых стояла альтернативой гибель одного или другого. Но и более того — что он впитывал полной грудью жизнь многих народов, многих тысячелетий и преданий, возникших до него. Он черпал как из великих рек и течений культуры, так и из малых ее ручьев и ручейков — и даже можно сказать, из тихих, укромных родников». По правде говоря, трудно дать лучшую характеристику самого автора этих слов. И трудно вместе с тем не думать о том, что его сочинения разделят судьбу сочинений Гомера, оставаясь памятником словесности, который читают немногие, хотя ценится он высоко.

Если задуматься над причинами такого положения дел, то самой важной из них, наверное, придется признать ритм времени той вселенной, которую создает писатель. Это ритм, не согласующийся с ритмом нашей современности, а может, даже ему противоречащий. Это ритм эпохи «копящих ламп», который еще появляется у Ивашкевича или Милоша, но исчезает в резком свете галогена, не дающего возможности сосредоточиться и задуматься, так как он скользит по поверхности явлений, не проникая в глубину.

Центр этой вселенной Винценз располагает в треугольнике, очерченном территориями Покутья, Черногорского хребта и Буковины. Это местность, пейзаж которой очень точно и четко набросал много лет спустя Юрий Андрухович: «Вокруг нас леса, леса и горы, Горганы, горы и леса, этот-то пейзаж и должен был некогда породить европейского человека, но где он теперь, этот человек, чёрт его знает». Можно рискнуть и предположить, что человек этот поселился в пространстве творчества Винценза, во времени с замедленным ритмом. Но вместе с тем, когда я читаю современную украинскую прозу, у меня складывается впечатление, что я всё чаще обнаруживаю его и на ее страницах. И, может быть, теперь, когда после многих лет подавленного голоса можно приступить к свободному рассказу, вполне естественными представляются новые поиски

европейского человека в своем — пока еще не разнесенном в пух и прах современной цивилизацией — пейзаже, значение которого в формировании человеческой истории подчеркнул Винценз в замечательном очерке «Ландшафт как фон истории».

Ландшафт несомненно играет решающую роль в ощущении времени, то есть в способе его проживания. Но вместе с тем он остается незаметным. Это подчеркивает Винценз, комментируя историческое и поэтическое повествование: «Наверно, и у летописца, и у певца стоял перед глазами фон, эти поля и эти воды, на которых совершались воспеваемые ими деяния, эти дома с пристройками и галерейками, где он сам пел и рассказывал. Однако при этом он считал, что их знает каждый, так зачем же описывать сам по себе ясный фон ландшафта, фон занятий, фон труда». Для Винценза этот фон не ясен и не может быть ясен «сам по себе». Это заметит каждый читатель «На высокой полонине» — собранные здесь повести и сказания в совершенстве укоренены в пейзаже; для автора этот фон — прежде всего сокровищница историй, которые тут разыгрывались и записаны в нем, как палимпсест, последовательными слоями.

Но речь, конечно, идет не только о ландшафте, а еще и о народе — в данном случае о гуцулах, — который сформирован этим пейзажем и который, если воспользоваться словами Збигнева Херберта, «будет нести Город в себе по дорогам изгнания». Этот символический Город — особое место, центр мира, который можно отыскать хоть бы и в Пенсильвании. Ибо, как пишет Андрухович: «Там даже есть такой русско-карпатский городок — Централия», — для него представляющий собой центр Европы. Почему? «Потому, — читаем мы, — что там живут лемки. Они принесли свой центр с собою — так же, как свою деревянную церковь. Центры Европы — блуждающие, они перемещаются вместе с людьми». Наверняка эта рефлексия получила бы одобрение Винценза, главное произведение которого — как раз описание гуцульского космоса, укорененного в ни к чему не сводимом принципе, о котором мы читаем, что он означает «верховинскую правду, порядок старовека — с л о б о д у».

Убежденность в том, что свобода — это основополагающая ценность, цементирующая гуцульское самосознание, повсеместна в литературе. Анализируя феномен гуцульщины в польской словесности, Ян А. Хороший подчеркивает: «Первой и, пожалуй, самой характерной чертой их коллективного портрета была, конечно, свобода. (...) Гуцульская свобода была

(...) отчасти вызовом, брошенным цивилизации, культуре города, была разыгрывающимся на глазах внимательных наблюдателей экспериментом, определяющим терпимость или просто равнодушие организованного общества». Однако же трудно было бы отыскать дополнительное определение этой свободы. Впрочем, похоже, нельзя рассматривать ее как синоним той «слободы», о которой пишет Винценз, в языковом отношении наверняка более точный, чем большинство наблюдателей, и обращающийся к подлиннику, в частности и для того, чтобы избежать польского определения «свобода»: мы имеем здесь дело с сигналом, который оповещает о специфическом и неперевожимом типе опыта. Речь тут идет не о «свободе» в повседневном понимании, но о духовном, как бы прирожденном способе существования, о котором дискутирует герой «Послевоенных перипетий Сократа» и который очень точно отличает свободу от вольницы.

Одно из условий практического применения «слободы» — жизнь, согласованная с ритмом времени, что позволяет ему протекать незаметно. В этом прежде всего содержится не столько «вызов, брошенный цивилизации, культуре города», где давление бега времени принуждает к «неестественным» формам поведения, сколько игнорирование этой цивилизации. По существу гуцулы, которых творит Винценз на страницах своего повествования, — общество воображаемое, хотя, разумеется, субстанция повествования, составленного из приводимых рассказов, совершенно реальна, субстанциальна.

Употребленный здесь прием — это, по сути дела, запись некоей мечты о гармонично живущем сообществе. В каком-то смысле это можно сказать обо всем творчестве автора «Диалогов с Советами». Идейные горизонты его творчества устанавливает хотя бы такое размышление из заключения «Послевоенных перипетий Сократа»: «Да ведь не раз хотелось бы увидеть Сократа и услышать его в том мире, где мы несчастны, хотя не перестаем воображать себе, что как-то ведь могли бы быть счастливы». А счастливые, как известно, часов не наблюдают.

Размышления Станислава Винценза о культуре вырастают в первую очередь из специфически перетолкованных традиций Просвещения — отсюда, кстати говоря, отсылка к Сократу и его практике критического мышления. Если взвесить то обстоятельство, что в жизни Европы господствовали иррациональные, пробуждающие демонов идеологические методы, поворот к рационализму представляется очевидностью. Отсюда у Винценза и столь необычная забота о

деталей и стремление к языковой точности в описании действительности. Но одновременно эта действительность выходит за горизонт сиюминутности, а следовательно, в ней есть место альтернативным ходам. Как раз такую альтернативу повествованиям, известным из исторических свидетельств, предлагает Винценз в «Послевоенных перипетиях Сократа». При этом автор уже во введении извещает нас, что тот вымысел, который он конструирует, допустимо интерпретировать либо как вероятное событие, о котором у нас просто нет надежных сведений, либо как сновидение. И вот мы читаем: «Нижеследующий вымысел представляет собой — лишь повествовательно — продолжение платоновских диалогов, описывающих пребывание Сократа в тюрьме и его последние минуты. Спасти Сократа можно было только похищением вопреки его воле или же такой операцией тюремных властей, о какой мы догадываемся из нижеследующего рассказа. В описании последних минут Сократа мы помним из платоновского „Критона“, как он проснулся после здорового, спокойного сна, а из „Федона“ — как он заснул навсегда. Мы увидим, как он проснется снова или как он будет видеть сон».

Мы, следовательно, имеем здесь дело с воскрешением античного учителя, и вдобавок ради того, чтобы суметь поддержать в себе веру в возможность счастливой жизни. Но такая вера недостижима без неустанного, диалектического — в смысле сократовской диалектики — просвечивания принципов рационального мышления таким образом, как это делает герой романа в главе «Твердыня разума», когда ставит совершенно современный вопрос, который мог бы также задать и рассказчик «Диалогов с Советами»: «Обдумаем следующее: разум, судящий кроваво, разум, истребляющий неразумных? Неужто он по-прежнему останется разумом?» Таким образом, просветительский подход Винценза характеризуется подрывом веры в разум. Более того — в какой-то момент диспута Сократ, поднимая вопрос привязанности к отечеству и вопрос о поэтических порывах, проводит различие между «старшим разумом» и «младшим разумом». Обращаясь к Диагору, он говорит: «Стало быть, ты полагаешь (...) поэтический порыв не удастся вывести разумным путем. А что же на самом деле? Разум ли нам их диктует или же как бы старший разум?»

Этот «старший разум» тождествен, следовательно, «поэтическому порыву», каким-то образом в нем укоренен. В понимании Сократа — но и Винценза, прямо апеллирующего к Гомеру, — «поэтический порыв» укоренен в мифе, стало быть,

в той реальности человеческого космоса, которая остается непознаваемой для разума. О весомости этого «старшего разума» свидетельствует обширное эссе Винценза «Чем сегодня может быть для нас Данте». В этом «поэтическом порыве» находит себя один из героев «Венка из барвинков» — Владислав Седорович, изгнанник, беглец из Сибири, который нашел гостеприимство в Покутье. Обращенный к будущему, он мечтает: «Как утешительно было бы отправиться вместе с ветром в странствие к встающим временам. Ветер летел бы себе просто так, заглядывая в каждый из коридоров, не для себя. Приблизиться, связывать в доброжелательность, никому не показываясь. Но эта связь и так есть. Не только со знакомыми, не только в сознании и сознательно. Ветер — ее образ. Это было самое важное осеннее познание: взаимодополнение человеческих душ, сообщество разных нитей и витков человеческой жизни. Пожалуй, для него у нас нет органа. И все же мы часть большого организма в движении. То, что вне меня в стольких душах творится, не находится вне меня».

В этом контексте чрезвычайно важными кажутся заметки из записной книжки писателя: «Поэт — *exul* [лат. изгнанник] с родины (возможно, *exilium* [лат. изгнание] оставит после себя нерасколотое, из детства идущее единство со вселенной) — добирается до страны детства. Родина детства — это мир, космос, потому что ребенок познаёт типичные характеры и свойства вещей, открывает их. (...) Он заполняет себя космосом, а космос — собою. (Поэт гор)». Существенно здесь то, что Винценз соединил изгнание с детством и обрисовал связи этих категорий со «старшим разумом», или поэтическим чувством, для окончательного распознавания которого нам не хватает подходящего «органа». Умение разбудить это поэтическое чувство становится у Винценза необходимым условием подлинного, то есть адресующегося к «старшему разуму», рационализма. Можно рискнуть сказать, что в своем творчестве автор «Утопоса» — современные эквивалент творца классической эпохи. Это подтверждается другим фрагментом записок: «О Гомере я позабыл сказать, что его просвещение обусловлено дистанцией по отношению к смерти, отвержением обрядов и культа умерших, избавлением от страха перед умершими. Солнечная свобода. Человеческая, а не суеверная и не обрядовая привязанность к умершим».

Можно догадываться, что «старший разум» обретает голос прежде всего в стране детства. Тем самым он по-своему — в соотнесении с «младшим разумом», проявляющим себя в сфере сиюминутности, — одновременно и наивен, и невинен.

Но ведь и творчество Винценза можно истолковать так, что представленная им картина Гуцульщины окажется той утраченной «родиной детства», которую надлежит сохранить в рассказе ради того, чтобы одновременно спасти и собственную человечность, неотъемлемая черта которой — поэтическое чувство. Это чувство делает, в частности, возможной ту «человеческую, а не суеверную и не обрядовую привязанность к умершим». В эссе о Данте мы читаем: «Мы живем в эпоху, которая со всех сторон окружена смертью, пронизана смертью. (...) Мы пробуждаемся от снов, с трудом поднимаем голову, одурманенную сном, с лона сна. И она продолжает истекать водой смерти. Правда, ясный, трезвый день рассеивает это. Мы не хотели бы смотреть в ту сторону, нам кажется, что мы избавляемся. А ведь нам известно лишь одно: мы с у щ е с т в у е м лишь этой общностью с умершими». Все мы — жители одного и того же космоса, который длится во времени вне времени.

В том же очерке Винценз пишет: «Человечество — это не только люди, живущие во времени. Существует еще и иное присутствие». Быть может, эти слова особенно веско и убедительно показывают смысл, вписанный во всё творчество Станислава Винценза. Нет сомнения, что фундамент его творчества — цикл «На высокой полонине», описание утраченной «родины детства». Причем изгнание или эмиграция оттуда не имеют здесь политического аспекта — речь идет прежде всего об аспекте цивилизации. Гуцульщина Винценза — это рай, потерянный из-за преклонения перед тем, что Виткаций называл божеством непосредственной пользы.

Путь Винценза с самого начала вел в совершенно другие края. Он писал: «В изумлении я заметил со временем, что иду прямо по следам моих земляков с верховин и полонин, тех свободных и неспешных [по-польски: wolnych i rowolnych] пастухов и архаических земледельцев из страны безденежного хозяйства либо со слабеющим денежным обращением, которых называли гуцулами». Здесь привлекает внимание упор на сочетание свободы с неспешностью, то есть на условия, благоприятствующие медитативной сосредоточенности и бескорыстному диалогу, — иными словами, тому, что позволяет жить по-своему вне времени, практиковать «иное присутствие», в котором неустранимая связь с умершими остается вместе с тем связью со всей вселенной в целом.

В этой концепции Гуцульщина становится центром человеческого космоса, но это подвижный центр, освященный

изгнанием, пусть даже понимаемым только символически. Причем этот космос понимается как общность и целиком представляет собой всеобщую собственность. В этой концепции Гуцульщина, описанная, что ни говори, с нежностью и точностью, существует настолько же реально, насколько вне времени и пространства. А если вне времени и пространства, то где?

Гуцульщина существует в песне. Поэтому читатель «На высокой полонине», этой сложной поэмы, с самого начала должен идти в первую очередь «за голосом трембиты». Не случайно все книги «Правды старовека» начинается музыкальная цитата: в мир Гуцульщины читателя вводит мелодия. Но не то чтобы просто так извлеченная из «фольклора». Мелодия возникает из голоса природы, в которую вплавлена жизнь гуцульского общества, из гармонии, характерной для бытия в согласии с ритмом природы. Трембита была зачата, о чем мы читаем в первых же предложениях, от советов молнии, леса и водопада. Ее голос ведет, как говорит рассказчик в самом первом предложении: «От первовека в приговоров ночь». Эти слова, открывающие собой книгу, довольно таинственны: вначале мы на самом деле не знаем ни что такое первовека, ни что такое она «приговоров ночь». Эти слова звучат почти как магическое заклятье. Они и есть заклятье, пророчество, вписанное в голос трембиты: «От молнии, от леса, от шума вод, от приговорной ночи зачатая — она разрывает преграды. Из нее брызжут утренние зори, праздники радостные и печальные, из нее изливаются времена года, годы и века. Она, приговорная фигура страны и людей верховин, ныне оглашает себя миру».

Если внимательно вчитаться в текст «На высокой полонине», то не подлежит сомнению, что задуманный читатель этого повествования находится как бы вне времени, в каком-то «всегда», которое каждый раз обновляет рассказ и актуализирует его. Действительность гуцульского мифа — вырастающего все-таки из реальности опыта и правды, которые предопределяются цельностью и непротиворечивостью представленного там мира, — не имеет «срока давности» независимо от хода истории. Ибо мы находимся в пространстве Книги.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• Профессор Михал Гловинский стал лауреатом премии им. Яна Парандовского за 2008 год. Эта премия присуждается польским ПЕН-клубом за совокупность творческих достижений. Как сказал президент ПЕН-клуба Владислав Бартошевский, эта премия — «признание классического ранга творчества писателя и ученого-гуманитария, его творческого вклада в традиции польской эссеистики и публицистики, удивительного новаторства и наблюдательности ученого-филолога, отслеживающего гротеск новояза, а также выражение почтения по отношению к проникнутому страданием свидетельству времен Катастрофы».

Гловинского (он автор, в частности, воспоминаний «Черные сезоны» и «Мадленка из хлеба с отрубями») ребенком спасла из варшавского гетто Ирена Сендлер (о ней см. «НП», 2008, №6). Много работ он посвятил языку времен ПНР — «Новояз польски», «Мартовское пустословие», «Язык в осадном положении».

• Три года назад Михал Гловинский дал интересное интервью Тересе Торанской. «Газета выборча» напечатала его под заголовком «Польское пустословие». Гловинский рассказал журналистке об истории своей еврейской семьи, о самочувствии польского еврея в 1968 г. и об отдельных характерных явлениях в польском языке того периода. Он сказал также, что сейчас его больше всего раздражает «антибольшевистский большевизм»:

— Он вырастает из сгущенной, концентрированной ненависти к каждому, кто иначе думает об общественных событиях. Это пропаганда и призывы к линчеванию. Посмотрите, что я вам покажу. «Учредительным актом свободного польского государства в 1989 г. должны были бы стать виселицы на Краковском Предместье в Варшаве перед собором св. Анны и Дворцом Сташица — вот что полагалось от нас нашим врагам. Можно, конечно, сказать, что казни во время восстания Костюшко или восстания 1830 г. ничего полякам не дали — кроме чувства хорошо исполненного патриотического долга. Но это потому, что казни были неудачными и частичными, а не тотальными». Это слова поэта Ярослава Марека Рымкевича, напечатанные в №60 краковского журнала «Аркана». Этот тип

антибольшевистского большевизма столь скандален и отвратителен, что у меня нет слов. Просто нет слов.

- Интервью, цитату из которого привел Гловинский, относилось к тогда еще не вышедшей книге «Вешанье» (Варшава: «Sic!», 2007). Эта книга Ярослава Марек Рымкевича удостоена в этом году литературной премии им. Юзефа Мацкевича. Основа этого противоречивого исторического эссе — малоизвестные эпизоды восстания Костюшко в Варшаве в 1794 году.

Тема книги — упущенная поляками возможность радикально изменить ход своей истории, к чему могла привести, как утверждает Ярослав Марек Рымкевич, казнь последнего польского короля Станислава Августа Понятовского. До повешения короля дело все же не дошло, хотя в руках народа оказались королевские расписки, т.е. прямое доказательство, что его пассивность щедро оплачивалась Россией. «„Вешанье“ — это очень актуальная книга, демонстрирующая механизмы истории, ставящая вопрос об очищающей силе пролитой крови», — сказал писатель Марек Новаковский, председатель жюри премии.

Лауреат при вручении премии, в частности, сказал: «Конечно, мне случалось думать, что в июне 1989 го надо было повесить коммунистов на фонарях на Краковском Предместье, что так для всех нас было бы попросту лучше, — но эти мысли приходили мне в голову, когда я вставал от компьютера. А когда я писал, история поглощала меня полностью, я не сосредотачивался на актуальных соотнесениях, повествование требовало, чтобы я рассказывал».

Литературную премию им. Юзефа Мацкевича в первый раз присудили в 2002 г. к столетию со дня рождения автора «Контры». Премия, учрежденная по частной инициативе, составляет 8 тыс. долларов. Лауреат также получает золотую медаль с портретом Юзефа Мацкевича и цитатой «Только правда любопытна». Напомним, что два года назад из состава жюри премии в знак неприятия антисемитских акцентов в публицистике одного из его членов вышел Казимеж Орлось (прозаик, автор, в частности, «Дивной малины», в русском переводе напечатанной в 1977 г. в «Континенте», племянник Юзефа Мацкевича).

- Центральноевропейскую литературную премию «Ангелус», учрежденную в 2006 г. Вроцлавской городской управой, получил в 2008 г. выдающийся венгерский писатель Петер Эстерхази за книгу «Harmonia caelestis» («Небесная гармония»),

опубликованную в переводе Тересы Воровской издательством «Читательник». Во время торжественной церемонии во вроцлавском музыкальном театре «Капитоль» председатель жюри Наталья Горбаневская, обосновывая решение о присуждении премии, сказала, что «Небесная гармония» — это, можно сказать, Книга Бытия Центральной и Восточной Европы: «Она словно была создана для „Ангелуса“, хотя, когда книга была написана, нашей премии еще не было. Возможно, как раз для нее „мои вроцлавяне“ придумали „Ангелус“».

Премия присуждается писателям из стран широко понимаемой Центральной Европы (от Польши до Албании и от Германии до России) за книгу, опубликованную в Польше в предыдущем году. Лауреат получает статуэтку работы Эвы Россано и чек на 150 тыс. злотых.

Родившийся в 1950 г. в Будапеште Петер Эстерхази — потомок одного из самых старинных аристократических родов — в своей книге, выдержанной в библейской стилистике и лучших традициях постмодернизма, рассказывает о судьбе своей семьи в годы коммунизма.

- Варшава вернулась к традиции присуждения своих литературных премий. В довоенные годы лауреатами общественной премии были, в частности, Тадеуш Бой-Желенский, Поля Гоявичинская, Мария Кунцевич и Леопольд Стафф. Первым лауреатом возрожденной «Литературной премии столичного города Варшавы» в категории «Варшавский творец» (за совокупность литературного творчества) стал Тадеуш Конвицкий, автор «Малого апокалипсиса», получивший 100 тыс. злотых и медаль. Премии по 20 тыс. злотых получили в категориях: «Художественная литература для взрослых» — Юлия Хартвиг за «Избранные стихи», «Художественная литература для детей и молодежи» — Иоанна Кульмова за книгу «Кульмова детям», «Варшавское издание» — варшавские краеведы Томаш Павловский и Ярослав Зелинский, авторы книги «Жолибож. Исторический путеводитель».

- — На Тадеуше Конвицком держалась группа литераторов, которые поддерживали оппозицию в 70-е годы и позже, а сейчас это крупнейший здравствующий польский писатель, — сказал маршал Сената Богдан Борусевич, принимая писателя в Сенате.

Борусевич добавил, что знаком с писателем давно:

— Наши пути пересекались, в частности через деятельность в оппозиции, в Комитете защиты рабочих.

Маршал заявил, что пригласил Конвицкого в Сенат, чтобы «воздать почести, сказать писателю, что его не только читают, но и всюду с радостью ждут, а также — что визит писателя служит престижу тех учреждений, которые тот посещает».

• Несколькими днями раньше в Катовицкой музыкальной академии писателю вручили статуэтку в связи с присуждением звания «Великого посла польского языка». Это звание присуждает комитет из членов Совета по польскому языку при президиуме Польской Академии наук и приглашенных ими лиц. Почетное звание присуждено Тадеушу Конвицкому «в знак признания его заслуг перед польской литературой, а в особенности за проникнутую духом Речи Посполитой Обоих Народов чуткость к языку, к языковому сознанию нескольких поколений поляков».

— Это очень важный признак того, что начинается борьба за польский язык, который сейчас изрядно коверкается, недооценивается, иногда осмеивается, — комментировал Конвицкий присуждение ему премии. — Я понимаю, что это результат процессов демократизации и царящего сейчас легкомыслия, но наш язык, который еще существует, пока не возобладал глобальный язык, — пусть наш язык живет, радуя своей прелестью и нежной своей метафизикой.

Конвицкий всегда скромно замечал, что пользуется «неправильным» польским языком, «искаженным» кресами (восточными окраинами былой Польши). Жюри с очевидностью признало, что это не искаженный язык, а язык, освященный непостижимым духом кресов. Сердечно поздравляем с обеими наградами!

• В начале декабря в издательстве «Прушинский и Ко» вышла книга Иоанны Седлецкой «Кличка „Лирика“», написанная на основе архивных материалов, касающихся инфильтрации литературной среды сексотами госбезопасности. Это следующая (после книги «Облава. Судьбы репрессированных писателей», вышедшей в том же издательстве в 2005 г.) весьма спорная работа Седлецкой, основанная на агентурных делах, хранящихся в Институте национальной памяти (ИНП). Об «Облаве» на страницах журнала «Творчество» писал Лешек Жулинский: «Седлецкая в большинстве разделов работы затрагивает очень интимные, личные подробности жизни своих героев. Она предает публичному суду факты, которые, с точки зрения охраны тайн частной жизни, должны быть

конфиденциальны даже касательно умерших. Седлецкая — это литературный папарацци! Всё мое существо противится этому. Я понимаю, что прочел книгу, связанную с борьбой за историческую истину, но знаю также, что ее материалы словно собраны на грязной свалке. Отбросы, помой, зловоние — и над всем этим кружит черным вороном автор».

«Черный ворон», напомним, — это название тоже нашумевшей книги Седлецкой о Ежи Косинском.

• Подробных рецензий на «Кличку „Лирика”» придется еще подождать. Польское агентство печати (ПАП), анонсируя книгу, выхватило одно из наиболее шумных дел: автору удалось добратся до досье Влодзимежа Одоевского, агента по кличке «ВО». Одоевский — известный прозаик, автор многих популярных повестей и романов, изданных в эмиграции и ходивших в самиздате, в частности «Всё засыплет, заметет».

Влодзимеж Одоевский, по мнению Седлецкой, — это особый случай, главным образом потому, что последние 30 лет изображал себя оппозиционером и жертвой режима. В интерпретации Седлецкой Одоевский вел с госбезопасностью собственную игру и, один из немногих, сумел это использовать в своих интересах. С февраля 1964 по декабрь 1968 г. Одоевский доносами, в частности на Ежи Кшиштопя, эффективно блокировал возможность выезда на Запад потенциального конкурента на получение заграничной стажировки. Когда возникла возможность эмиграции, он демонстративно порвал с ГБ, а неизбежные последствия использовал для обретения нимба преследуемого системой писателя.

Так сообщает ПАП. Сам писатель в интервью Кшиштофу Маслоню («Жечпосполита»), озаглавленном «Топор над моей головой», выглядит подавленным тем, что обнародован факт его четырехлетних контактов с офицером ГБ Кшиштофом Майхровским, а также формой и тоном этого разоблачения.

— Не представляю себе, как ходить по Варшаве с клеймом доносчика, — говорит Одоевский в интервью. — Я должен спокойно прочитать книгу, тогда смогу выразить свое отношение к конкретным обвинениям. Сейчас же, по горячим следам, вижу только массу лжи и фальсификаций. Можно было бы этого избежать, если бы Седлецкая вступила в контакт со мной, чего она, однако, не сделала, хотя мы и знакомы.

— Простите, а тогда, в 60-е годы, — спрашивает журналист, — вы могли принять решение одним словом «нет», отвергнуть

любые попытки органов вытянуть от вас какую-то информацию? Или отказаться от встреч с Майхровским?

— Это было больше 40 лет назад, столько времени прошло, столько всего случилось... Но на такое «нет» я бы не решился, — отвечает писатель. — Была атмосфера страха, в которой мы жили, а знание, как вести себя с ГБ, как защититься от них, пришло позже. Когда Майхровский вызывал меня — во Дворец Мостовских, на Раковецкую, или «на кофе» в «Гранд-отель», или в пустующую частную квартиру на Муранове (конечно, конспиративную «точку»), — я приходил.

Влодзимеж Одоевский (род. в 1930 в Познани) много лет заведовал отделом культуры и литературы в польской редакции радио «Свободная Европа». Наиболее известен как автор блистательного прозаического произведения «Всё засыплет, заметет» (1973), романа «Оксана» (1999) и катынской повести «Молчащие, непобежденные» (2003). Лауреат многих премий, в т.ч. премии Костельских, Фонда Южиковского, парижской «Культуры», лондонских «Вядомостей», а также Шведского катынского комитета.

• В декабре в Польшу приезжал Виктор Ерофеев. Он представлял свою книгу «Русский апокалипсис», вышедшую в издательстве «Читательник» в переводе Анджея де Лазари. Газета «Польска» («Польша») сообщала: «Сегодня в Польше премьера „Русского апокалипсиса“ Виктора Ерофеева, *enfant terrible* литературной России. С радостью сообщаем, что писатель подтвердил свою репутацию скандалиста и неутомимого записного насмешника».

Ерофеев встречался с читателями, в частности в Варшаве и во Вроцлаве, и дал несколько интервью. Журналист «Газеты выборчей» Мартин Войцеховский не отнесся к писателю как к профессиональному «скандалисту» и задал много серьезных вопросов, по преимуществу политических. Спросил, насколько война в Грузии повлияет на отношение среднего россиянина к Западу.

— В отличие от Польши или Европы, люди в России мыслят не в рациональных категориях, а скорее в сказочных, — ответил Ерофеев. — Россия показала в Грузии, что может что-то сделать, поставить условия, которые будут приняты. Это тешит подспудный империализм, сидящий в каждом из нас. Но это вовсе не значит, что русские хотят всех кругом покорить. Здесь, скорее, реванш за трудную ситуацию 90 х годов, своего рода восстановление справедливости, хотя, конечно, в странной форме, — и жаль, что с участием других государств.

Ерофеев добавил также:

— После холодной войны Запад совершал по отношению к России ошибку за ошибкой. В 90-е годы от нас начали за чем-то отдаляться. А тогда мы действительно готовы были принять европейские ценности. Но никому это не было важно. Европе не хватает лидеров масштаба Черчилля, которые не только видели бы в демократии инструмент завоевания власти и удержания ее, но и принимали бы ее как философское понятие. Этот кризис ощущается повсюду на континенте. У меня впечатление, будто демократия села на мель.

В президенте Медведеве писатель разочарован:

— Медведев образованный, интеллигентный, либеральный, но это никак не проявляется. Явно лидирует премьер-министр Путин и стоящие за ним люди в погонах.

Автор «Русского апокалипсиса» считает, что экономический кризис сильно отозвался в России:

— Ожидание, что что-то может случиться, витает в воздухе, но неизвестно, что произойдет и с какой силой. (...) Можно сказать, что Россия ждет своего цунами. Но нельзя предвидеть его силы.

• Почти шесть лет продолжалось строительство Краковского оперного театра. Оно обошлось в 107 млн. злотых (в т.ч. 80 миллионов из фондов Евросоюза). Площадь нового здания — 12 тыс. кв. м. Зрительный зал рассчитан на 760 мест, а при концертах — на 820; современное оборудование дает возможность моментально менять декорации, предусмотрено помещение для детских спектаклей и экспериментальная сцена.

Открытие театра прошло 13 декабря. На торжественной церемонии министр культуры Богдан Здроевский сказал: «Трудно представить себе Краков, культурную столицу Польши, без оперного театра». Для премьеры была избрана опера Кшиштофа Пендерецкого «Дьяволы из Лудена» (режиссер Лацо Адамик, музыкальный руководитель постановки Анджей Страшинский). Новое здание освятил кардинал Станислав Дзивиш, после этого быстро и незаметно покинувший театр: наверное, он помнил, что либретто оперы основано на реальной истории князя Урбана Грандые, сожженного на костре в 1634 г. за наведение сатанинской порчи на монахинь обители в Лудене.

«Возможно, кардинал не хотел смотреть „Дьяволов из Лудена”, которые в прошлом вызывали столько споров», — пишет на страницах газеты «Жечпосполита» Яцек Марчинский, напоминая, что эта опера Пендерецкого, сегодня самое исполняемое в мире сочинение композитора, когда-то подверглась обвинениям в распространении порнографии. Однако бдительность кардинала, добавляет критик, оказалась чрезмерной: на первый план в спектакле вышла не эротика, а политика.

«Краковский спектакль, — замечает Марчинский, — показывает власть, которая успешно устраняет своих противников. С этой целью она пользуется ложью, инсценированным правосудием и пытками, а ей всегда помогают низкие души, поставляя добровольные доносы и фальшивые обвинения. Мы хорошо это знаем из нашей истории XX века и до сих пор наблюдаем это в мире».

• В декабре Барбаре Крафт, одной из самых популярных польских актрис, исполнилось 80 лет. Зрители помнят ее по многим замечательным ролям в театре и кино. Она играла в таких фильмах, как «Пепел и алмаз» Анджея Вайды, «Никто не зовет» Казимежа Куца, «Рукопись, найденная в Сарагосе» и «Как быть любимой» Войцеха Ежи Хаса, исполнила роль Гонораты в сериале «Четыре танкиста и собака». Барбара Крафт — незабываемая исполнительница песен в «Кабаре пожилых господ» (в частности, «Проклинаю тебя»). В день рождения актрисы в варшавском «Театре на Воле» им. Тадеуша Ломницкого прошла премьера пьесы Ремигиуша Гжели «Глаза Бриджит Бардо». Героиня, бывшая учительница музыка Анастасия Р., дожив до ста лет, решает отправиться в путешествие своей жизни — на такси к Лазурному берегу. Она организует кастинг для водителей, на который прибывает господин Збыня (эту роль сыграл Мариан Котиняк). Пьеса была написана специально по заказу Барбары Крафт. Единственным условием юбиляра было следующее: «Это должна быть веселая пьеса, дающая надежду, убеждающая, что не следует забывать о мечтах; а возраст не имеет значения, если человек старается оставаться молодым».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В последнем номере гданьского «Пшеглёнда политичного» («Политического обозрения», №90, 2008) напечатана большая статья социолога и специалиста по русской философской и общественной мысли Мариана Броды «Россия и ее Путин». Это первая за долгое время попытка глубокого анализа политических перемен в России при ее бывшем президенте:

„При диагностировании и оценке характера, результатов и последствий деятельности путинской власти нужно прежде всего избавиться от искушения декретировать простые объяснительные формулировки и абсолютизировать по своей прихоти значение отдельных элементов, вырванных из сложного контекста более общих и устойчивых условий и проблем — удела нынешней России. В особенности следует отдавать себе отчет в нескольких нижеследующих обстоятельствах.

Во-первых, после распада СССР политическая власть в России несла два подхода: авторитарный и демократический. (...)

Во-вторых, широкий политический отклик на заявления и действия Путина и их общественное одобрение были не случайны. (...) Они отвечали глубоко укорененным убеждениям, чаяниям и амбициям миллионов его соотечественников, согласуя, как считали многочисленные сторонники, взаимно исключающиеся при другом подходе ценности и цели. Указывая путь в будущее и намного б?льшую по сравнению с коммунистическими временами открытость к Западу, они одновременно позволяли «вернуться домой» и возродить традиционные политические и национальные ценности. (...)

В-третьих, тип и масштаб чаяний российских граждан по отношению к власти — которую они веками персонифицировали, т.е. власти самодержавной, — носят особый характер: управление, руководство, сила, порядок, самосознание, закон, правда и справедливость интегрально связаны друг с другом, а по-настоящему легитимной становится лишь власть (и властитель), способная ответить на такую тотальность чаяний. С ней не заключают «договора», регулирующего взаимные права и обязанности обеих сторон,

но, как это типично для религиозного или квази-религиозного акта, безоговорочно отдаются власти во власть, доверяют ей самих себя. (...) В русском сознании и политических традициях власть веками остается носителем и инструментом высшей — религиозной либо идеологической — Истины, наделяющей ее особым статусом и особыми полномочиями.

В-четвертых, крайне сомнительно, чтобы принципиально иная политико-идеологическая и экономическая программа (особенно либеральная в западном стиле) в обозримом будущем могла стать в России альтернативной основой общественной консолидации и перестройки. (...) В российскую ментальность глубоко вписано не только желание идти своим путем, но и — каждый раз усиливающийся в периоды ослабления власти — страх перед социальным хаосом и распадом. Защиты от них ищут в форсированном восстановлении мощи центральной власти, отождествляемой не столько с гарантией, сколько прямо с основой социального порядка и даже самого существования государства в мире, якобы неизменно враждебном России. (...) Глубоко укорененная и широко распространенная уверенность, что Россия всегда вызывает у других государств враждебные чувства и никто чужой ей добра не желает, а русский человек не может обойтись без сильной руки власти, которая руководит его поступками, и декларируемая готовность отказаться от политических свобод ради покоя и порядка в стране остаются устойчивым элементом российской действительности.

В-пятых, в той степени, в какой путинская формулировка решения российских проблем остается — что одновременно составляет важную посылку ее воздействия и общественного резонанса — в рамках традиционных институциональных структур и коррелирующего с ними образа мысли и действий, результат которых в значительной мере — сегодняшняя российская действительность, она фактически становится новым звеном в процессах их дальнейшего воспроизведения. До сих пор — и этим в отношении будущего России нельзя пренебречь, но нельзя и придавать этому роковое значение — она протекает в рамках упрочившегося веками алгоритма: авторитаризм — смута — авторитаризм... Наличие тенденции к частичному воспроизведению прежних структур, сословий и позиций, с культом мощи центральной власти как панацеей на все проблемы, включая опасности и трудности, разумеется, вовсе не определяет форму и будущие судьбы страны автоматически. Однако можно ожидать, что влияние подобных тенденций, сильно укорененное в политических традициях и разрушительное для перспектив формирования настоящего

плюрализма, законности и демократии, будет тем больше, чем больше российское общество и международная общественность будут пренебрегать их наличием, а сама власть не начнет — не будет вынуждена — избавляться от навыка и соблазна делать из авторитарно-имперских традиций государства основу и образец своих действий, в очередной раз формирующих новостарый облик России.

В-шестых, анализируя не только программные тексты, речи, высказывания или законодательные предложения, но и сами правовые акты российской власти, следует помнить, что в тамошних традициях властителю и власти приписывается особый статус «воплощенного права». Многие законы, не говоря уже о проектах их принятия, формулируются не с замыслом действительного проведения в жизнь — они остаются чистым идеологическим актом, ритуальным жестом Властвующего. (...) Следует помнить, что для принципиально авторитарной власти демократические институты и свободы ценны лишь постольку, поскольку (...) нужны ей тогда, когда (...) они скорее укрепляют и упрочивают существующую политическую систему, а не угрожают ее стабильности и положению самой власти. (...)

В-седьмых, в сознании многих граждан России парламент, независимые от власти СМИ, политические партии и общественные организации — это не столько институциональные гаранты гражданских прав и свобод, сколько инструмент борьбы частных интересов олигархов и политиков. Кремлевская власть и подчиненные ей СМИ укрепляют подобный образ мыслей, глубоко укорененный в русском сознании, в котором артикулированные претензии личности и групп относительно их сферы свободы, действительно ограничивающей государственное вмешательство, воспринимаются как замыслы и деяния антинародные и антиобщественные, направляемые извне и служащие врагам России. (...) Правление Путина восстановило (...) нормальную в России ситуацию, когда локализованная в центре государственная власть оказывается способной проявить свою мощь, остальные политические силы подвергаются радикальной маргинализации, а имеющая значение оппозиция перестает существовать. (...)

В-восьмых, тот факт, что власть в России — включая путинскую — по-прежнему стоит превыше закона и ее самодержавные поползновения не сталкиваются со значительным отпором, а куда чаще встречают общественное понимание и поддержку, вовсе не означает неограниченных

возможностей страны в модернизации и развитии или абсолютной свободы действий власти. Общественная легитимизация власти, опирающаяся на авторитарный элемент и способность проявлять мощь, а также угроза деструктивных последствий обстоятельств, в которых эта способность пропадет, укрепляют тенденцию к сохранению традиционной модели отношений между политическим центром и обществом и вообще традиционного общественного порядка. (...)

В-девятых, западное мышление о России издавна отягощено мифом о том, что ее якобы естественным предназначением была принадлежность к Европе и что в ныне переживаемый период это может осуществиться, разве что она выберет русский либо азиатский деспотизм, тем самым окончательно избавляясь от европейских влияний на свой облик. В указанном контексте часто толковались различные решения российской власти, в особенности политические шаги Путина и его команды, особенно в начальный период путинского правления. Авторы таких интерпретаций не переставали утверждаться в односторонних надеждах, расчетах и оценках даже тогда, когда им приходилось бросаться из крайности в крайность. Можно ожидать, что проявления подобного образа мыслей о России и ее будущем заново возродятся при ближайшем хоть сколько-нибудь благоприятном случае”.

В заключение этого анализа автор пишет:

„Основной чертой российской действительности последних столетий представляется постоянно воспроизводимая имперская структура вместе с имперскими традициями; они создают свои объективизации и аналоги в сознании и институтах, в умах, обществе, культуре, нравственности и идеологии. Поддержка, оказанная Путину решительным большинством российских граждан, сопровождается убеждением, что он воплощает желанное, веками сакрализованное могущество империи, способное спасти страну от внешних и внутренних врагов, от хаоса и распада. Новое вступление России на путь, направленный к восстановлению имперских традиций, что наблюдается там в последние годы, большинству ее жителей по-прежнему кажется чем-то более простым и естественным (...) чем попытки произвести фундаментальную переоценку этих традиций. Ибо такая переоценка должна затронуть самые основы национального самосознания и связанного с ними типа социального порядка, ментальных структур, национальных амбиций и культурных образцов. Приоритет имперской

ориентации, амбиция идти своим собственным путем и заново актуализированная идея «сильного государства» могут вести (...) к тому, что вопрос о принадлежности или непринадлежности России к Европе станет в культуре и сознании весьма относительным. Разве что в представимых обстоятельствах нарастания китайской или исламской угрозы выбор европейской принадлежности вновь окажется опорой и легитимизацией национального самосознания, в очередной раз пуская в ход (...) сложный комплекс сталкивающихся друг с другом тенденций и контртенденций развития”.

Как переводятся эти по сути теоретические рассуждения на язык практики? Иначе говоря, как Европа должна поставить себя по отношению к России? На эти вопросы пытается ответить французский философ Андре Глюксман в интервью «Европе», еженедельному приложению к газете «Дзенник» (2008, №49), озаглавленном «Евросоюз неспособен использовать слабости Кремля». Обращаясь к теме экономического кризиса и снижающихся цен на нефть, Глюксман подчеркивает:

„У Кремля есть только два сценария. Или он займет более мягкую позицию в контактах с Западом (...) или Россию охватит отрежиссированное безумие: она будет считать, что должна кусаться, ибо так легче всего скрыть собственную слабость. В обоих случаях реакция Запада должна быть одинаковой. Если Россия признает свою слабость, то не будет никаких причин ей уступать. Если выберет отрежиссированное безумие, чтобы скрыть свою слабость, — тогда тем более не будет причин ей уступать. В обоих случаях не следует вести с Россией переговоры с позиции более слабого, ибо слабее она. (...)»

Нет ничего удивительного в том, что все кремлевские пропагандисты настаивают на слабости Европы и силе России. (...) Единственная цель кремлевских спин-докторов — лгать так, чтобы западные журналисты их слушали и при этом никогда не задумывались, правда ли это. (...) Я не понимаю, какая выгода могла бы вытекать из сближения с Москвой. На нефть устанавливаются мировые цены, а Россия и так вынуждена ее продавать. (...) Таким образом, пока что нет ни одной рациональной причины склоняться перед российским шантажом. Зато существует возможность контршантажа: у России нет возможности складировать непроданную нефть или непроданный газ. Так что не приходится говорить о принципиальной слабости Европы перед лицом России.

Единственное затруднение состоит в том, что в Европе нет согласия, нет общей энергетической политики. Россия не

может нам дать ничего, кроме правильных расчетов. Это значит, что Россия не будет подрывать независимость государств, завоевавших ее после падения Берлинской стены. (...)

В гипотезе о новой холодной войне фальшиво слово «война». Так и сегодняшняя — к сожалению успешная — стратегия России на Украине: Путин делает там, что ему вздумается, — состоит в игре на внутренних расхождениях между украинцами в сочетании с шантажом повышения цен на горючее и коррупцией. Зачем Путину в такой ситуации устраивать вооруженный конфликт в Крыму? Если, конечно, исключить возможность приступа сумасшествия”.

Одновременно Глюксман обращает внимание на «дурной пример», каким может стать для граждан России серия революционных переворотов в постсоветских странах:

„Быть может, нет шансов, что Путин будет свергнут. Однако в дальней перспективе хорошо функционирующая демократическая Украина и сдерживающая коррупцию Грузия станут угрозой для путинского режима. Поэтому Европа должна поддерживать Саакашвили и украинцев в их устремлениях к независимости и демократии”.

Между тем Запад все время ведет себя двусмысленно:

„В то же время нынешние лидеры Франции — Саркози и Кушнер — ведут двойную игру. Они неспособны занять ясную позицию по отношению к России. Например, если они поняли, что Путин — не ягненок, то Медведева они считают умеренным. (...) Не подлежит сомнению, что Саркози ошибается. Точно так же, как все западные лидеры раньше ошиблись насчет Путина: Буш увидел у него в глазах небесную лазурь, Блэр пошел с ним в Санкт-Петербурге слушать оперу еще до того, как Путина избрали, что было своего рода помазанием. Я уж не говорю о Шрёдере или Берлускони. Поражает прежде всего фантастическая неспособность западных лидеров понимать истинные мотивы российской власти. (...)

Поскольку Россия не может стать по-настоящему мощным государством, ее главной целью стало причинять вред. Благодаря ядерному оружию, благодаря продаже обычного оружия по всей планете, а также благодаря продаже нефти и газа Кремль в состоянии сеять тревогу и панику — примером пусть послужит поддержка, оказанная Чавесу. Западные лидеры отдают себе в этом отчет крайне медленно, с большим трудом.

(...) Есть такие, кто хочет противостоять России, что на практике может означать только одно: переговоры с позиции объединенной Европы, то есть с позиции силы. Так поступают англичане, скандинавские страны, Польша и, разумеется, прибалтийские государства. И есть такие, кто устраивает свои дела в сторонке. У немцев свои дела с Россией, у Берлускони — тоже, у греков — аналогично. Так же ведут себя Болгария и Венгрия. А Франция хромает — она по отношению к России независимей, чем Германия, но в то же время хочет спасти Евросоюз, а он опирается на франко-немецкое согласие. И всё блокируется, так как Германия не хочет ссориться с Россией... Мне совершенно ясно, что российская политика Европы прежде всего зависит от того, что происходит в Германии (...) Перед нами гигантская иллюзия идеологического порядка. Немцы считают, что Россия могла бы стать их новой колонией, что они могли бы сыграть роль, которую играли в XIX веке, — роль администраторов царской империи. Они убеждены, что обладают интеллектуальным и технологическим превосходством над Россией. (...) На мой взгляд, обмешурятся здесь немцы, а не русские. Потому что немцам и в голову не приходит, какой цинизм и нигилизм царит в правящих верхах России. Однако нигилизм куда умнее наивности — даже наивности в исполнении немецких промышленников и политиков”.

Вопрос о том, как сосуществовать с Россией, сегодня перестает быть вопросом, которым задаются лишь ее ближайшие соседи. С польской точки зрения важен, однако (что прямо вытекает из замечаний Глюксмана), следующий вопрос: остаемся ли мы по-прежнему страной, расположенной между Россией и Германией или же вместе с Германией вырабатываем в рамках Евросоюза политику в отношении России? И похоже, что этот вопрос всё еще остается открытым.